

Татяна ПОЛУКАРОВА

*УЛЫБКА
НАСМУРЗОТО
ГОРОДА.*

2007

Полукарова Т. Улыбка пасмурного города. – Рязань: Изд-во «Старт», 2007г., - 84 стр.

ISBN

© Полукарова Т., 2007
© Издательство «Старт», 2007

УЛЫБКА ПАСМУРНОГО ГОРОДА

Я еду в поезде, наблюдая за убегающими куда-то домами. Еще пару месяцев назад, покидая что-нибудь – город или человека, я впадала в жуткую депрессию и постоянно тормозила в голове воспоминания, теряя чувство реальности.

Сейчас, хоть я уезжаю из одного замечательного городка, я абсолютно спокойна и уравновешенна, так как события, произошедшие совсем недавно, изменили меня и мою жизнь.

В этот город я приехала месяц назад. Точнее, не приехала, а просто сбежала от проблем, которых стало безумно много. Здесь жила моя тетка. Приняла она меня довольно прохладно, чего и следовало ожидать: она не видела меня с раннего детства.

Я считала, что смена обстановки поможет мне хотя бы ненадолго отвлечься от трудных задач, оставленных мною в родном городе, однако и тут оказались свои гнетущие недоразумения, недомолвки и явное непонимание того, что я здесь лишняя. Но я была слишком подавлена, чтобы бежать куда-то дальше, тем более что это не представлялось возможным: денежный запас был строго ограничен, да и мест, где бы меня приняли, я знала мало.

Мне нужен был человек, способный понять меня и вновь поставить на ноги, поскольку я не смогла сделать сама.... Но знакомиться не получалось: что-то внутри меня властно говорило «Нет!», и злобно хлопывало дверь в душу. Так продолжалось бы и дальше, если бы не одна случайность.

Был тоскливый пасмурный день. Я бродила по узким улицам в поисках работы – тетка ясно дала понять, что не жаждет видеть меня в своем доме. Ноги ужасно болели, кроме того, мои старые осенние туфли впитали в себя доброе количество воды из многочисленных луж. Я всмотрелась в красочную витрину, и не без грусти стала подумывать о возвращении домой. Здесь я была абсолютно чужой и никому не нужной, да и можно ли укрыться от проблем вечно?

Внезапно я ощутила на себе чей-то сосредоточенный взгляд. Я обернулась. Раздался негромкий щелчок. В толпе прохожих стоял молодой темноволосый мужчина, вооруженный фотоаппаратом. Пока я собиралась с мыслями, он сделал еще несколько снимков

– Вы что, всех подряд фотографируете? – поинтересовалась я.
 – Нет, только самых интересных и необычных людей, – ответил он, повесив фотоаппарат на шею. – Могу сказать с полной уверенностью, что вы не здешняя и что у вас какая-то проблема.
 – Проблемы есть у всех, – улыбнулась я.
 – Это правда. Так откуда вы?
 – Да так, из одного большого шумного города, в котором живет много людей.
 – Он показался вам слишком тесным? – спросил незнакомец.
 – Можно сказать и так.
 – Знаете что, давайте продолжим наш разговор в кафе, а то я продрог от этой ужасной погоды.

Сперва я хотела было отказаться, сославшись на какую-нибудь нелепую причину, а потом подумала: «А почему бы и нет?». Тем более в нем было что-то, чего я не замечала у других людей этого городка.

– Так значит, ты ищешь работу?
 – Да, но ничего подходящего нет.
 Собеседник задумался, крутя в руках трубочку от коктейля.
 – А ты никогда не пробовала себя в качестве фотомодели?
 Я отрицательно покачала головой.
 – Я как раз подыскиваю подходящую девушку. Уже дважды обращался в агентства, но без толку. Они все как куклы, размалеванные куклы. А в тебе есть загадка, своя изюминка. Это очень важно. Ну так как?
 – ...
 – Много предложить не могу. Сто рублей за два часа устроит?
 – Ну хорошо, я попробую.

Какая из меня могла получиться модель? Я совершенно не знала, как двигаться перед объективом фотокамеры, что делать. С трудом припоминая свои попытки фотографироваться в детстве, я невольно ощутила себя маленькой девочкой, в которой борются страх и интерес.

Во время нашей прогулки к его мастерской он рассказал о своем проекте и попутно расспрашивал обо мне. Сперва я отвечала кратко и путано, а потом успокоилась, решив, что нужно перестать прятаться.

Мастерской оказался небольшой двухэтажный с несколькими квартирами. Он имел нежилой вид. Мой спутник пояснил:

– Здесь собираются разного рода творческие натуры: художники, скульпторы, музыканты. Пусть внешний вид тебя не смущает. Тут очень уютно, надо только привыкнуть.

Чавкнул замок, и мы вошли в просторную светлую комнату. Мебели там почти не было, за исключением нескольких стульев и дряхлого стола на трех ножках. Узенькая винтовая лестница вела на второй этаж. Вокруг были разбросаны кисточки, разорванная бумага и пустые бутылки. Около стены лежало несколько мрачных картин.

– Мы снимали эту комнатку с одним художником.
 – И где он теперь? – спросила я, бегло осматривая помещение.
 – Не знаю. Художники – вольный народ. Сегодня здесь, а завтра – где угодно. Располагайся.

Я сняла плащ и положила его вместе с сумочкой на стул.
 – Здесь у вас не жарко, – вполне резонно отметила я.
 – Легко сказать «не жарко», сложнее не замерзнуть, – улыбнулся фотограф. – Сядь на стул около стены и распусти волосы.

На окнах не было занавесок, а на стенах виднелись трещины. Квартирка имела довольно убогий вид, хотя все вместе это походило на романтическое приключение, которого мне явно не доставало.

Включив люминесцентную лампу и достав откуда-то другой фотоаппарат, мужчина внимательно осмотрел меня с головы до ног.

– А у тебя что-нибудь под кофтой есть?
 – Топ, смущенно ответила я.
 – Тогда снимай ее. Не бойся, я не кусаюсь, если только в полнолуние.
 «Что ж, это даже забавно», – подумала я. По телу пробежали мурашки то ли от холода, то ли от азартного возбуждения.

– Скажи, я как ты догадался, что я приезжая?
 – Профессиональная выучка. Тем более ты все так внимательно рассматривала. Люди, прожившие здесь хотя бы год, уже не видят и не замечают ничего вокруг себя, впрочем, так везде, – с оттенком обыденного равнодушия ответил фотограф. Раздался первый щелчок.

– Подвигайся, расскажи что-нибудь.
 – Что, например?
 – Допустим, о себе.
 – Я родилась в довольно крупном городе в семье со средним материальным достатком. Вскоре после этого родители разошлись, и отца я больше не видела. Потом я окончила школу и поступила в институт.

– А что тебя привело сюда? Не поверю, что простое любопытство, – продолжал расспрашивать меня через глазок своего аппарата.

– Нет, я приехала сюда вовсе не на экскурсию.
 – А зачем?
 – Хотела сбежать.
 – От чего?

- От проблем, от себя, от семьи.
- Но ведь от этого никуда не деться.
- Знаю, но мне слишком тяжело, чтобы это выносить.

Мужчина опустил фотоаппарат.

- Что-нибудь не так? – спросила я.
- Нет. Хочешь чаю без сахара, зато с коньяком?
- Ну, если без сахара... – улыбнулась я и понадеялась на то, что коньяк с водой потеряет свою крепость.

Через пять минут мы уже сидели на матрасе в углу и распивали горячий чай из граненых стаканов. Душа потихоньку начинала отогреваться, а язык развязываться

- Так что у тебя произошло?
- У меня есть парень. Мы встречаемся с ним уже четыре года. Он был первым мужчиной, в которого я влюбилась, и первым мужчиной который побывал у меня в постели. Мы даже подумывали о том, чтобы пожениться. Но сначала мешала школа, потом институт.... Наверное, именно он стал разделять нас. Мы постепенно становились чужими, стали ссориться. Он корил меня за то, что я уделяю ему мало времени. Впрочем, я действительно ухнула в учебу. Но все это можно еще было пережить, если б.... – я запнулась.

– Что? – осторожно спросил собеседник.

– Если б я не узнала о том.... – в моих глазах заблестели искорки слез. – Боже! Он встречался с ней два года и ничего не говорил мне.

Слезы в два ручейка быстро пронеслись по моим щекам и повисли на подбородке.

– Два года! Как же это ужасно! Как он мог! Я прокляла все на свете. Но он пришел, стал просить прощенья, сказал, что любит нас обеих и не может жить без каждой из нас.

Я уткнулась в грудь фотографа. Он сочувственно обнял меня.

– Я пыталась забыть о нем, встречаться с другими парнями, но не могу. Я слишком его. И он меня любит. Вот если бы не эта.... – слезы лились бешеным потоком. Все что хранилось в душе, наконец, вырвалось наружу.

– Я не могу жить без него. Не думай, что это громкие театрализованные слова, нет, это жестокая ненавистная реальность, от которой я убежала сюда....

Он обнял меня крепко-крепко, а я все рыдала и говорила, говорила, а потом снова рыдала. А он все слушал, переживая каждой мое слово, как личную драму.

Когда яростная буря эмоций изредка напоминала о себе лишь редкими всхлипываниями, за окном было уже темно. Кроме того, по бульварам и проспектам зашагал дождь.

Мне стало легче, действительно легче. Правда вопрос «Что делать?» так и остался открытым. Чай уже кончился, коньяк тоже.

– Спасибо. Спасибо, что выслушал меня, – чуть сиплым голосом поблагодарила я, кутаясь в тонкую бежевую накидку.

– Ты знаешь, я прекрасно понимаю твои чувства. Мне тоже захотелось поведать тебе одну историю, которую я не рассказывал еще никому.

Восемь лет назад в одном небольшом городке жил-был начинающий фотограф. Дела его шли довольно неплохо, но временами не на что было купить кусок хлеба. Этот фотограф встречался с красивой девушкой. Она была очень умна и очень честолобива. Живя в неблагополучной семье, она знала цену каждой копейке.

Фотограф и его модель страстно любили друг друга и прекрасно дополняли. Но в один прекрасный момент она сказала ему: «Прости, я больше не могу так. В этой жизни правят те, у кого карманы набиты деньгами» и уехала в другой город с корифеем модельного бизнеса.

Фотограф долго не мог понять, как можно было променять их любовь на деньги. Он искал ее днями, в надежде, что все вернется, а ночью работал, чтобы собрать приличный капитал для своей возлюбленной. Однажды фотограф узнал, в каком городе она живет, и сразу же помчался туда, захватив с собой лишь фотокамеру да спортивную сумку с вещами. Приехав и поселившись в однокомнатной квартирке со скверной хозяйкой, фотограф стал искать свою принцессу. Все дни напролет он бродил по серым незнакомым улицам, в надежде, что удача улыбнется ему. И вот однажды его молитвы были услышаны – он увидел ее на центральной площади. Всего несколько метров разделяли их, но он так и не смог подойти... – мужчина замолчал и опустил голову, наверное для того, чтобы я не смогла увидеть мокрых ресниц.

– И они так и не встретились?

– Нет. Фотограф остался жить в этом городе, перебиваясь редкими заказами. Он так и не поговорил с ней.

За окном вовсю шумел холодный осенний дождь. Сквозняк раскачивал паутинку на окне, на которой балансировал паучок-эквилибрист.

Каждый из нас в эту минуту думал о своем. Мы оба молчали, но эта тишина сближала и согревала нас. Внезапно я усмехнулась и небрежно выронила:

– А ты знаешь, мне ведь некуда идти.

– Правда? – удивился фотограф.

– Да. Тетка убьет меня, если я прибуду к ней так поздно.
– Оставайся у меня, – как-то невзначай бросил он. – На втором этаже есть еще пара матрацев и ватное одеяло. Конечно, так должна быть и подушка, но за это я не ручаюсь.

Я попыталась встать, но голова закружилась, и я уселась на прежнее место. Да, коньяк давал о себе знать.

– Давай, я провожу тебя наверх.

– Буду очень признательна.

Поднявшись вместе со мной по лестнице на второй этаж, он помог мне разыскать все спальные принадлежности, поскольку там не оказалось света. Когда я улеглась на два толстых упругих матраца и накрылась мягким одеялом, он, пожелав мне спокойной ночи, направился к лестнице, но мой оклик остановил его.

– Скажи хоть, как тебя зовут.

– Дима, а тебя?

– Светлана.

– Что ж, приятно познакомиться.

– Взаимно.

Глухие шаги становились все тише. Вскоре внизу потух свет, и глущая темнота увлекла меня с собой в далекое молчаливое странствие.

Проснувшись я около десяти часов утра. За окном было серо, мокро и убого, так что захотелось снова уткнуться в подушку и не просыпаться до наступления ясной погоды. Бродяга-сквозняк бездумно шарил повсюду. Недалеко от меня обнаружился маленький холодильник, в котором обычно хранят пиво. Судя по названию, он был немецкого или австрийского производства. Но, поскольку немецкий язык не был мною изучен, я решила оставить лингвистические изыскания истинным фанатам своего дела, и заглянула внутрь.

К моему счастью, в нем оказались несколько кусочков копченой колбасы, полпачки масла и хлеб. А еще я обнаружила там нож, три вилки и две ложки.

– Зато удобно – все в одном месте, – пошутила вслух я.

Заглянув в морозильную камеру, если таковой ее можно назвать, я вытащила оттуда черные женские трусики.

– Истинно холостятская дыра.

Одеваться не пришлось – вся одежда, хоть и немного помятая красовалась на мне со вчерашнего дня, – и я, захватив найденную усладу для моего желудка, спустилась вниз, где, путем тщательного изучения местного антиквариата, я нашла электрическую плитку и полуторалитровую бутылку воды.

«Интересно, тут есть водопровод или хотя бы туалет?» – пронеслось у меня в голове. Но урчащий желудок заставил меня переключить все внимание на него.

Сделав себе пару бутербродов и чай (благо, заварка осталась со вчерашнего дня), я кое-как перекусила. Потом я заехала к тетке за вещами (хорошо, что не наткнулась на нее саму) и, оставив ключ от квартиры в почтовом ящике, вернулась к Диме.

– Надеюсь, ты не против? – спросила я, указывая на сумки.

– Нет, – покачал головой он, держа в руках изрядно помятый журнал мод, с которого улыбалась красивая белокурая модель. – Я ходил с утра в редакцию, надеюсь, ты нашла, что положить в желудок?

– Да, спасибо.

Сняв плащ, я села рядом с ним.

– И что там сказали?

– Сказали, чтобы я приходил через месяц.

Дмитрий уткнулся взглядом в яркую картинку. По комнате растеклась тишина, вздрагивающая лишь от шума машин за окном и всплесков воды из луж под их колесами.

– Это она? – осторожно спросила я.

– Теперь я уже не знаю, она ли это? Может, да, а может, и нет, – отшвырнув журнал в сторону, Дима тихо предложил:

– Давай поработаем.

Зажегся свет, легкое волнение укололо кончики пальцев, и мы снова разговорились...

Никогда бы не подумала, что позировать так сложно. Через полчаса я уже вовсе забыла о холоде, а еще через полчаса бессильно шлепнулась на стул.

– Стоит прерваться, – сделал вполне уместный вывод Дмитрий и погасил люминисцентные лампы.

– Ты немного отдохни, а потом сходим в кафе, пообедаем.

– Знаешь, я все хотела поинтересоваться, есть ли тут туалет и кран с водой.

– Тут есть даже ванна, – преободряюще сообщил Дима.

– Неужели?

– Ну, может быть, не совсем тут. Пойдем, я покажу.

Мы вышли из квартиры.

– Когда-то очень давно, чуть ли не в начале двадцатого века, жил здесь один архитектор, который и спроектировал этот дом. Позже, когда он умер, все здесь поделили на двухэтажные квартирники и хотели

было их выгодно продать, да потом выяснилось, что в одной из них водопровод, в другой – канализация, в третьей – кухня. Если все пере-
страивать, то вся постройка сломается, как картонный домик. Вот его так и оставили.

Мы остановились около одной их дверей.

– И как же вы здесь живете?

– Ходим друг к другу в гости.

– А если никого нет?

– А у нас везде замки одинаковые, да и особо ценного никто не хранит. Главное – доверие.

Дмитрий постучал в дверь. Послышалось глухое ворчанье.

– Кто?

– Свои.

– А если свои, то почему ключом не пользуетесь?

– Чтобы ты не подумал, что воры залезли. Маршал, открывай.

Дверь нехотя скрипнула. Из-за нее появилась седая голова художника.

– А, это ты, ну заходи. А это еще кто?

– Друг. Знакомьтесь. Маршал, это Светлана. Светлана, это Маршал.

– Очень приятно, – улыбчиво сказала я. Мужчина подозрительно оглядел меня и выпустил.

– Маршал, а ты почему дверь не запираешь? – поинтересовался Дмитрий.

– Да ключ никак не могу найти. Уже в четвертый раз теряю за последние три месяца.

– Туалет там, – указал рукой Дима на длинную красно-коричневую занавеску, около которой стояла незаконченная картина.

Увидев старую чугунную ванну бежевого цвета, я поинтересовалась, можно ли искупаться.

– Колонка что-то барахлит, – мрачно отозвался Маршал. – Если будет нагревать, то можно и в ванну.

Как-то странно покосившись на меня, он недружелюбно сказал:

– Скоро буду с каждого, кто ко мне приходит, деньги брать.

– Тогда еду придется готовить в колонке и запивать чаем из ванной, – усмехнулся Дима.

Когда мое уставшее тело погрузилось в горячую воду, я на мгновение забыла обо всех проблемах и несчастьях, преследующих меня неотрывно.

Дима и Маршал заговорили о своем, а я стала перебирать в голове события этих двух дней. Как я могла пойти с незнакомым мужчиной в незнакомое место в совершенно незнакомом городе? Как Сама Осто-

рожность решилась на это? Впрочем, мне уже порядком поднадоело постоянно оценивать свои поступки, ругать себя за плохое и хвалить за хорошее. Наверное, так должно было случиться, так повелела судьба.

После получасового блаженства я немного остыла, оделась потеплее, и Дима повел меня обедать в местное кафе. Там он стал рассказывать мне о жильцах этого странного дома: о Маэстро (вечно простуженном, но очень талантливом скрипаче), о Везунчике (самом молодом художнике, смотрящем на жизнь более, чем пессимистично, но которому при этом частенько улыбалась удача), о Медведе (скульпторе, которого однажды чуть не удавил Медведь) и прочих незаурядных личностях. Я с любопытством слушала Диму и попутно разглядывала его. Достаточно длинный нос, выразительные темные глаза, видящие человека насквозь, пышные черные волосы. А еще у него были удивительные руки, одновременно сильные и нежные, с длинными пальцами виолончелиста. Не знаю, почему, знакомясь с мужчиной, я прежде всего смотрю на его руки. Моя школьная подруга, зная эту странность, шутливо толковала ее так: «Ты просто высматриваешь, нет ли на безымянном пальце кольца». Как она была сейчас далеко.

После обеда мы решили прогуляться по городу. Вокруг нас встречали те же мрачные люди, лужи и грязные, вечно спешащие куда-то, машины.

– А посему того старого художника ты называешь Маршал? – поинтересовалась я, засунув руки в карманы.

– поговаривают, что однажды он очень удачно нарисовал какого-то маршала и тот заплатил ему за картину втридорога. С тех пор за ним и ходит попятям эта кличка.

– А как его настоящее имя?

– Не знаю. Ручаюсь, что никто не знает. Тут всем дают забавные прозвища, забывая настоящие имена.

– А почему у тебя нет прозвища?

– Трудно сказать. Похоже, ни одно прозвище мне не подходит.

Мы молчаливо побрели дальше, стараясь не наступать в лужи (оба знали слабые стороны своей обуви).

– Знаешь, я в этом городе уже целый месяц и еще ни разу не видела солнца, – не без удивления призналась я.

– А я в этом городе уже четыре года и видел солнце считанное количество раз. Этот город вообще очень мрачный и пасмурный. Может оттого, что его опутывает целая сеть рек и от них много испарений, а может из-за большого количества машин. Но мне почему-то кажется, что город – вечный меланхолик оттого, что люди бегут сюда от своих проблем.

Я настороженно посмотрела на Диму.

– И дело не конкретно в ком-то, – сразу пояснил он. – Сюда прибежала ты, и я, и почти все жильцы нашего дома, да и вообще добрая половина населения городка. Все бегут от проблем, несчастий, неудач, считая, что оставляют их на прежнем месте, а на самом деле, они приносят их с собой. Когда кто-то решает свои проблемы и уезжает отсюда, город улыбается и появляется солнце.

Но большинство беглецов остаются здесь, сперва теряя свои имена, потом свои лица, и живут, пока не потеряют самих себя. Они впускают в свою душу дождь и становятся полноценными жителями города резиновой грусти и каучуковой печали.

Посмотри на жильцов нашего дома. Они уже постепенно теряют себя и вскоре окончательно превратятся в пасмурных людей. Маршал, Маэстро, Ганс, Спичка, Медведь – они уже стали такими. Теперь очередь за нами.

– Но ведь у тебя осталось имя, значит, ты не такой, как все, – возразила я.

– Просто процесс переработки нормального человека в человека Пасмурного города несколько затянулся.

– Так почему же ты не уехал отсюда? – спросила я, потрясенная обреченностью его слов.

– Я не могу. Что-то держит меня и не отпускает. Так же и ты не можешь отказаться от причины своего бегства сюда. Пока мы не закончим работу над ошибками, нас не допустят к новой главе.

По лужам заплескали озорные капельки дождя. Было похоже, что какой-то крошечный гном-невидимка шлепает по лужам в своих деревянных башмачках.

Домой мы прибежали абсолютно вымокшими. Я вся побелела от холода. Меня трясло. Дима закутал меня в одеяло и включил плитку, а потом ненадолго куда-то ушел. Вернулся он с полупустой бутылкой водки.

– Здесь заболеть нельзя – а то никогда не вылечишься. Дожди у нас опасные. Вот Маэстро искупался однажды под небесным водопадом городских слез, да и заболел. С тех пор он постоянно кашляет.

Я попыталась объяснить, что вообще не употребляю спиртное, и уж тем более водку, но мои мольбы о пощаде оказались тщетны.

– Пей, – приказал Дима. – Растирать я тебя не буду – мы еще не настолько хорошо знакомы, так что пей.

Он отлил себе водки в пластиковый стаканчик и, поморщившись, мгновенно осушил его. Да, мне бы такую выдержку.

– Ну давай же, пей, – подталкивал он меня к ответственному решению о свержении закона с монумента железных принципов. – Вчера же коньяк пили.

– Так это с чаем.

– Пей, тебе говорят!

– А ... а закусить чем-нибудь можно? – химия оказалась права – железо тоже плавится, принимая любую форму.

Вскоре озноб прошел и теплая волна то ли от водки, то ли от плитки захлестнула все тело. Дима достал откуда-то толстый альбом с фотографиями моделей и принялся показывать свои лучшие работы. Икнув, я спросила:

– А почему на большинстве твоих снимков девушки голые?

– Это старые фотографии. Тогда я увлекался поиском идеального женского тела.

– А зачем? – спросила я, подперев рукой голову, чтобы не уткнуться в альбом носом.

– В то время я боготворил телесную красоту. К сожалению, я слишком поздно понял, что внешнее совершенство далеко не всегда говорит о внутреннем благополучии.

– А ты бы х... хотел снять меня ... обнаженной? – спросила я, изо всех сил пытаясь не уронить голову.

– А ты бы сама этого хотела?

– Не знаю, – призналась я. – Почему ты смеешься?

– Просто я очень давно не видел девушку, которая напивается со стакана водки, – ответил он и снова тихо усмехнулся. В уголках его рта появились очаровательные морщинки. Во мне проснулась крайняя обида. Да как он посмел назвать меня пьяной?

– Ты думаешь, я пьяная? Нет, ты думаешь, я пьяная?

– Думаю, да, – улыбнулся Дима.

– Ты, ты ...– обида кипела во мне и вдруг нашла непредсказуемый выход. – Да, ты прав, я пьяная. Я же предупреждала, что не пью, – жалобно протянула я и, едва удерживая веки от того, чтобы закрыться, тихо попросила: – Отнеси меня наверх, ладно?

Утро следующего дня предстало передо мною, как и предыдущие, серым и болезненным, к чему надо было бы еще привыкнуть, но у меня не получалось. Всякий раз, просыпаясь, я с полминуты не открывала глаза, надеясь, что появится золотой брелок в небе, однако из окна на меня смотрел привычный серый тюль Пасмурного города (после недавнего разговора я так и стала называть свое временное убежище).

– Тук-тук, можно? – раздался уже привычный ласковый голос.
 – Кто там? – застенчиво поинтересовалась я.
 – Это утро, – улыбнулся Дима. – Одевайся, и пойдем завтракать к Гансу и Спичке. Они, наконец, продали два плода совместного труда и сорвали неплохой куш, – радостно пояснил он. Но в голове у меня вертелось совсем другое..
 – Одевайся? – я осторожно подняла одеяло. – Ты что, раздел меня?!
 – Конечно, как я мог упустить такой шанс! – усмехнулся Димка. – Твоя одежда уже просохла над плиткой, сейчас принесу.
 – Стой! – я пыталась сохранить здравость рассудка и припомнить, что же было вчера. Смущенно потирая у виска, я спросила:
 – А ... Дим, что случилось после того, как мы ... то есть я попросила отнестись меня наверх?
 – А ты не помнишь? – удивился Дима.
 – А что я должна помнить? – насторожилась я.
 – Ты не помнишь, как стала приставать ко мне?
 – Я?! Врешь!
 – Значит, действительно не помнишь, – посочувствовал он. – Я пытался объяснить тебе, что мы мало знакомы, что ты изрядно пьяна, но на тебя это не действовало. Ты все спрашивала: «Ты думаешь, я пьяная? Ты думаешь, я пьяная?», а потом стала целовать меня и ...
 – И ... – повторила я.
 – И ... сама понимаешь, – закончил он.
 – Правда?
 Возникла зловещая пауза, внезапно разрешившаяся смехом.
 – Нет, конечно. Это шутки у меня такие, шутки.
 Я продолжала недоверчиво смотреть на Диму.
 – Ну сама посуди, ты отрубилась почти тут же.
 Я попыталась ударить «шутника», но он вовремя увернулся.
 – За что?
 – За плохое чувство юмора! – выкрикнула я.
 – А ты, кстати, тяжелая! Худеть надо, – продолжал смеяться Дима.
 – Это кость у меня широкая и тяжелая! – раздосадовано взвизгнула я и запустила в него подушкой.
 – Я жду тебя в девятой квартире. Не опаздывай, – донеслось вместо извинений снизу.
 Завтрак оказался настоящим пиршеством. Жареная рыба, две разновидности салата, икра, фрукты, дорогое вино и множество прочих вкусов. Люди здесь жили по принципу: «то густо, то пусто» и не унывали. Дима искренне радовался за друзей, будто он сам продал свои

работы, над которыми трудился долгое время. Он шутил, рассказывал смешные истории, не забывая при этом положить что-нибудь в рот. Кстати, Спичка был прирожденным кулинаром, хотя внешне походил скорее на смычок от скрипки Маэстро, нежели на повара. Высокий и худой, он считал делом всей своей жизни писать картины, смысл которых был сокрыт от меня за гранью доступного. На мой взгляд, готовка еды на плите Ганса удавалась ему куда лучше.

– Выпьете вместе с нами? – учтиво спросил Маэстро.

Я вздрогнула и молниеносно выпалила:

– Нет!

Дима, оказавшийся случайным свидетелем этой сцены, чуть заметно усмехнулся.

После пиршества потянулись разного рода споры, преимущественно о живописи и музыке, в которых мой сосед принимал активное участие. Но в результате все свелось к жалобам на жизнь и болезни. Маэстро сетовал на кашель, Маршал на боль в спине, Медведь на артрит. Кстати, последний сам по себе напоминал медведя: крупный, высокий, коротко подстриженный, с красным лицом и пышными рыжими усами. У меня почему-то сразу вспыхнула перед глазами их схватка с медведем в зоопарке. Я увидела, как огромный мохнатый зверь вырвался из клетки и, обезумев, бросился в толпу. Громко рыча, он всей своей массой придавил беднягу. Но наш Медведь не из слабаков. Он схватил зверя своими толстыми крепкими руками с короткими пухлыми пальцами и скинул себя.

Я могла представить этого человека в качестве повара или, скажем, пивовара, но вот как в нем мог воплотиться талант скульптора – для меня оставалось загадкой.

Как ни странно, хотя мне уделали мало внимания, я вовсе не чувствовала себя чужой. Наоборот, каждая история, услышанная за этим столом, начинала самостоятельно жить в моем сердце. Мне почему-то казалось, что все люди, собравшиеся здесь, – родные и что я в какой-то степени тоже близкий им человек. И мне хотелось обнять их крепко-крепко, всех до единого, и не отпускать никогда.

– Ну, как тебе наша компания? – спросил Дима, когда мы вернулись в его квартиру.

– Они все такие замечательные! – восторженно отозвалась я.

– Да, они и в правду удивительные люди. С ними я научился радоваться любой мелочи, любому пустяку, поскольку никогда не знаешь, что будет завтра. А еще я научился смотреть на людей изнутри.

– Как это? – не поняла я.

– То есть ты проникаешь сквозь маску человека и заглядываешь в душу, в его проблемы и несчастья. В тебе я не увидел этой маски, а твоя душа показалась мне очень загадочной для меня. Знаешь, я всегда мечтал научиться фотографировать людей изнутри, снимать на пленку свет их душ.

– У тебя обязательно это получится, – заверила я. – Ну что, мне опять распустить волосы и натянуть улыбку в тридцать два зуба?

Дима покачал головой:

– Нет, оставайся такой, как ты есть ...

Дни летели с невероятной легкостью и быстротой. Они почему-то напоминали мне испуганных лягушек, скачущих по мутным лужам. Я постепенно начала исцеляться, но главная причина болезни не исчезла, и мне еще предстояло вернуться и встретиться с ней нос к носу.

Убрав в сумочку пять сотенных бумажек, я стала размышлять: «А не сходить ли мне в магазин одежды?» Я уже с трудом припоминала, когда в последний раз покупала себе обновку. Да, это была хорошая идея. Мельком взглянув в окно, я не без грусти заметила:

– Лучшей покупкой будет зонт – уж его-то мне придется брать с собой на улицу.

Скрипнула дверь, и в квартиру завел Дима. Вид у него был угрюмый, как никогда. Я спустилась на первый этаж. Дима снял плащ и ботинки и, не проронив ни слова, уселся за пустой скрипучий столик. Подперев голову рукой, он помрачнел и о чем-то задумался. Что-то явно произошло. Нужно было как-то прервать его молчание и разговаривать, но так, чтобы он сам рассказал о том, что его гнетет.

– Давай сходим куда-нибудь пообедать, – как бы невзначай предложила я.

– У меня осталось мало денег.

– Я угощаю, пойдем, – улыбнулась я. – А потом я помогу тебе печатать фотографии.

– Не хочу никуда идти.

Я подошла к нему и тихо заговорила:

– Раньше я тоже запиралась в себе, когда что-то случалось, не говори никому ни слова. Думала, так будет легче. Но молчание – это бомба с часовым механизмом, которую лучше поскорее обезвредить, нежели дожидаться взрыва ... Ну же, поговори со мной.

Дима молчаливо отвернулся. У меня ничего не выходило. Тогда я решила испытать старый проверенный метод.

– Ну хорошо, хочешь жалеть себя – жалею, хочешь называть себя неудачником – пожалуйста. Как просто выпятить свое «я» и объявить, что никто тебя не поймет. Да, как это удобно: все ношу в себе и ничего не выбрасываю!

Дима оживился, в глазах засверкали искорки негодования.

– Говоришь, что все жильцы этого дома законченные неудачники, потеряли свои лица, а ты, а ты видел свое лицо?! Да оно срослось с маской эгоизма: «Мне никто не нужен – я сам».

– Хватит! – рявкнул он, вскочив со стула.

– За столом с ними ты смеешься над их шутками, а за их спинами смеешься над ними!

– Замолчи!

– А зачем? Пусть все слышат! Им пора узнать твое настоящее лицо, скрывающееся за маской лицемерия.

– Да что ты знаешь о людях, о жизни?! Маленькая неприятность, и ты в слезах бежишь рыдать в чужую жилетку. Это твоему эгоизму можно позавидовать! Это ты трусливая неудачница! Ты, ты ... ты ...

– Ну же, продолжай, – тихо спокойно произнесла я. – Это лучше, чем игра в молчанку. Теперь, по крайней мере, есть, о чем поспорить и что обсудить. – Я выразительно посмотрела на обескураженного собеседника, и только тогда он понял, зачем понадобились оскорбления и крики. Дима осекся и присел на стул.

– Извини, – почти шепотом произнес он.

– Не извиняйся. Я знала, на что иду и чем рискую. По крайней мере, я вытащила из тебя несколько слов, правда, не совсем тех, что хотела, но и эти оказались весьма любопытными. А теперь пойдем, пообедаем.

Дима слишком долго жил один и уже привык набивать свою душу тяжестью проблем и неприятностей. Он считал, что так лучше. Однако проблемы, как кислота, постепенно разъедают душу, убивая самого человека. Пока я находилась рядом, я просто не могла допустить, чтобы это случилось и с ним.

Перекусив по принципу «когда я ем, я глух и нем», мы решили прогуляться. Я уже подумала, что все мои попытки докопаться до источника плохого настроения Димы оказались лишь тратой времени, как вдруг он спросил:

– А ты никогда не изменяла своему парню?

– Нет.

– Даже в отместку?

– Даже в отместку, – сказала я. – Знаешь, я пару раз пробовала с

кем-нибудь переспать, но ничего не выходило. Что-то внутри резко тормозило меня. Быть может, это случилось оттого, что у меня не было настоящей душевной близости с этими парнями, а, может быть, я просто не была готова.

– Не была готова к чему?

– К тому, чтобы перечеркнуть эти четыре года, – неожиданно для себя, ответила я. – Знаешь, мне нужно было приехать сюда, чтобы понять это. Прошлое держит меня. Нет, это я хватаюсь за него, что есть сил. Теперь я уже не знаю, люблю ли я. Это какая-то истерия, а не любовь.

– Это привязанность, – задумчиво произнес Дима.

– Привязанность? – переспросила я.

– Да, она самая. Привычка, другими словами. Ты привязала его к себе и, что более страшно, привязалась к нему сама.

Любовь не приносит боли. Конечно, с этим можно спорить, но поверь, это действительно так. Приведу простой пример. Ты недавно влюбилась в потрясающего парня – и что? Ты счастлива. Это уже потом мысли, недоверие, разбушевавшаяся фантазия и, конечно же, наше это портят все. «Ах, он взглянул на другую, но он же мой!» или «У него наверняка кто-то есть.» или «А вдруг он через месяц бросит меня?» Нужно жить здесь и сейчас. Вы оба влюблены – хорошо. Если же любит только один, то пусть он постарается отдать все свое тепло избраннику. Любовь – это прекрасное чувство, а мы, «люди разумные», делаем из него греческую трагедию.

Впрочем, я отвлекся. Когда любовь уходит – тихо и незаметно – остается привязанность. Ты уже не любишь, но и без него жить не можешь. Ненавидеть и любить одновременно – невозможно. Ты привыкла, что он, как будильник, звонит по утрам, и вдруг будильник замолкает, а привычка-то сохраняется. Теперь, наконец-то, ты можешь выспаться, поскольку ранние звонки больше не тревожат твоего сна, однако ты почему-то начинаешь скучать по ним, сама не зная, почему. Вот в чем твоя проблема.

Дима замолчал. Поразмыслив над его словами, я поняла, что он прав.

– Да, мне давно пора распрощаться с прошлым, но как же трудно разорвать эту ниточку между нами, – печально сказала я, поправляя шарф.

Мимо нас метнулся сквозняк.

– Я сегодня видел ее.

– Кого? – не поняла я, увлекшись своими мыслями.

– Ту, ради которой приехал в этот чертов городишко. Она ни капли не изменилась.

– Ты подошел к ней заговорил?

– А что бы подумали люди, если б я стал разговаривать с рекламным плакатом? – горько усмехнулся Дима.

– Вряд ли бы они заметили, – вполне резонно сказала я. – А ты бы хотел с ней поговорить?

Дима на секунду задумался, а потом нерешительно произнес:

– Может быть, да, а может быть, и нет. Трудно ответить.

– Но ты ведь приехал сюда ради нее?! – удивилась я.

– Да, но сейчас все по-другому. Другая жизнь, другие принципы, мораль,... да и мы стали другими, – невнятно запротестовал Дима, и вдруг внезапно замолчал, будто осознавая всю несвязность доводов. – Наверное, я просто боюсь, – наконец, признался он.

– Чего?

– Боюсь узнать, что все еще люблю ее.

По улицам начинали шагать сумерки, зажигая худые длинные фонари. Пасмурный город вновь заплакал. Мы же, не уделяя этому обстоятельству должного внимания, продолжали бродить мимо забрызганных грязью витрин и домов, рассказывая друг другу обо всем без утайки...

Почти весь следующий день я провела вне дома. Уладив свои дела, я, очень довольная, вернулась назад. Дима задумчиво ходил мимо моих фотографий, разложенных по полу.

– Ну, что скажешь? – поинтересовалась я.

– Тут чего-то не хватает, – растянуто произнес он.

– А, по-моему, здорово получилось, – оценила я, смотрясь в них, будто в маленькие зеркала.

– Нет, – не согласился Дима. – Чего-то здесь все же не хватает. Оригинальности, что ли.

– Ты слишком строг к нам обоим. Да, кстати, завтра мы идем в редакцию одного престижного журнала, – загадочно улыбнулась я.

– Что значит «пойдем» и какого журнала?

– Ну, пойдем – значит... пойдем, а вот какого журнала – ты узнаешь завтра.

Подойдя к нему поближе, я положила руку ему на плечо и добавила:

– Просто доверься мне и моему чутью. А теперь давай спать.

Сладко потянувшись, я стала подниматься на второй этаж. Позади раздавалось:

– И после этого ты хочешь, чтобы я уснул?

– Угу, – кивнула я, приближаясь к незабвенному ложу.

Откуда-то стали доноситься приглушенные звуки скрипки, и музыка, для которой не существует преград, полилась сквозь стены и потолки, пронизывая дом насквозь и наполняя его легкой, чуть заметной дымкой лирической ностальгии. Убаюкивающее сопровождал дождь, и, сливаясь с ним в идеальный дуэт, скрипка поведала нам потрясающую историю любви.

– Ну, как спалось? – спросила я, разрезая горячий омлет.

– Неважно. У меня из головы не выходила твоя вчерашняя заморочка. Так куда мы идем?

– Сперва завтрак (кстати, я купила молоко – полезно для желудка), потом горячая ванна и только после этого ты разгадаешь мою шараду, – бескомпромиссно закончила я.

– А... – начал было Дима, но я тут же прервала его:

– Когда я ем...

– Итак, я побрился, оделся, причесался. Что дальше? – недовольно спросил Дима.

Критично оглядев его с ног до головы, я, немного поразмыслив, произнесла:

– Теперь можно идти.

Путь оказался неблизким. Идя по сложившейся традиции пешком, я не без труда разбирала дорогу.

– Ты что, запутываешь следы? – мрачно усмехнулся спутник, когда мы вновь вышли к тому же ресторану.

– Я вспоминаю, куда нам идти, – обиженно пояснила я.

– А не легче ли сказать мне название конечного пункта назначения? Я живу здесь все-таки подольше тебя.

– Не мешай.

– Ну хорошо, только не сворачивай направо – там мы уже были два раза.

К обеду я, наконец, привела нас в редакцию журнала. Большинство сотрудников ушли перекусить, так что объяснить, что мы здесь делаем и к кому пришли, – не понадобилось.

– Надеюсь, она не ушла.

– Кто? – устало спросил Дима.

Не ответив, я постучалась в громоздкую дверь.

– У нас обед, – раздался строгий женский голос.

Я приоткрыла дверь.

– Здравствуйте, я приходила к вам вчера по поводу одного моего друга.

– Я сказала, чтобы вы зашли в первой половине дня. Ничем не могу помочь. После обеда у меня уйма дел, – поправив очки в толстой оправе, заявила она безапелляционным тоном.

– Но я на минутку.

Быстро войдя в кабинет, я втащила за собой Диму.

– Знакомься, Агата Ливанова.

Женщина вздрогнула, как от удара током. Мой спутник остолбенел.

– Димка? Ты? – осторожно произнесла она чуть сиплым голосом и, сняв очки, медленно встала из-за стола. – Боже мой, Димка, это я, Дана.

– Ну поздоровайся же с человеком, – пробубнила я, слегка толкнув его локтем в бок.

– Дана, – прошептал он и дрожащими руками окольцевал старую знакомую.

– Вам, думаю, есть, о чем потолковать, – сделала вывод я и почти бесшумно удалилась.

Да, это была та самая девушка, ради которой Дима бросил все и четыре года назад приехал сюда. Узнав из журнала, где находится редакция, я вчера отправилась по этому адресу. Забавно было показывать всем обложку и спрашивать, не знакома ли кому девушка, запечатленная на ней. Одна из сотрудниц неуверенно сказала, что девушка чем-то похожа на их директора. Мне сперва было непонятно такое замешательство. Дождавшись свободной минутки, я проскользнула в кабинет начальницы и поинтересовалась, где мне найти Агату Ливанову. Высокая худощавая девушка в строгом деловом костюме и очках в толстой оправе сказала, что это она. Тогда я поняла, почему фотография вызвала недоумение. Агата, которую Дима почему-то называл Даной, совсем не была похожа на девушку с лощеной обложки журнала. Поблекшая, почти без косметики, она совершенно не походила на ту, о которой рассказывал Дима. По поводу моего удивления, она сказала, что фотография была сделана несколько лет назад одним талантливым фотохудожником. Мы разговорились, и я попросила, чтобы она посмотрела работы одного моего знакомого. Полистав ежедневник, Агата сказала, что сможет уделить нам минутку утром.

Я гордилась сделанным, правда пока не знала, что из этого может получиться. Легкое волнение и тревога давали о себе знать. Внезапно меня охватил страх: а вдруг он поймет, что любит ее? Не знаю, почему я испугалась этого, ведь сама же хотела, чтобы у него было все в порядке. Эта загадка напомнила мне один разговор. Как-то мой знако-

мый сказал, что видит меня насквозь и знает обо мне все. Я усмехнулась и ответила, что это невозможно, поскольку я сама для себя книга с выдранными страницами, а то и главами. Вот и сейчас я не знала природу своего страха, своих опасений.

Засеменил дождь. Я вспомнила о некупленном зонте. Денег с собой не было, и мне ничего не оставалось, как пойти домой. Чтобы отогнать подальше тревожные мысли, я стала читать вслух все, что попадало в поле зрения: вывески магазинов, названия фирм, рекламные щиты. Сперва это казалось забавным, мысли действительно стали играть в молчанку. Мрачные люди искоса поглядывали на меня и обходили стороной, зато машины оказались менее чувствительными и заботливыми.

– Ой! – вскрикнула я и автоматически приняла позу цапли в болоте, но было уже поздно: вода из лужи отвратительными мутными ручейками стекала с моего лица, плаща и брюк. Тогда я решила оставить новорожденную идею избавления от мыслей. Я посчитала, что жизнь мне дороже, ведь я не в Швеции, где машины специально тормозят, чтобы пропустить зазевавшихся пешеходов. Здесь либо уворачиваясь, либо дожидаясь, когда светофор сочтет нужным подмигнуть зеленым глазом.

Дождь не усиливался, будто проверяя нервы на сдержанность, я плащ на промокаемость. К моему великому счастью, я уже добрела до моего нынешнего жилища, мечтая о чашке чая, и тут меня передернуло: ключ-то остался у Димы!

– Ну что же такое! С утра день не клеится.

Я разочаровано присела возле двери.

«Они сейчас разговаривают. Да, они определенно разговаривают. Он рассказывает ей о своей жизни, о том, как искал ее, а она...»

– Стоп, – прервала я свои рассуждения. – Я наконец-то поняла одну из причин моего страха – ревность. Боже мой, старо, как сам мир, и к тому же по-детски глупо.

Простужено скрипнула входная дверь, и в дом вошел Маэстро, прижимая к груди футляр со скрипкой.

– Здравствуйте, – со свойственной ему учтивостью произнес он.

– Добрый... Нет, просто здравствуйте, – обреченным тоном поздоровалась я.

– Вы хотели сказать «Добрый день»? И что же вам помешало, позвольте узнать?

– То, что этот «добрый день» не заладился с самого утра, а потом и вовсе превратился в злой и бессердечный, – пожаловалась я и добави-

ла: – А вы думаете, я просто так сижу у запертой двери, как брошенная собачонка?

– Прошу прощения, я должен был догадаться о вашей проблеме.

– И как меня угораздило забыть ключ! – корила я себя.

– Уверяю, эта проблема легко разрешима. С вашего позволения.

Маэстро вынул ключ из кармана и без промедления сунул его в замочную скважину. Дверь плавно отворилась.

– О, я и забыла, что все замки одинаковые! Когда голова забита чем-то большим, мелочам там не находится места. Спасибо, вы просто спасли меня.

– Ну что вы, не стоит благодарности. Всегда к вашим услугам, – чуть преклонил голову скрипач и направился к себе в квартиру.

– Извините, Маэстро, а вы сейчас очень заняты?

– Для вас я всегда свободен, милая барышня.

– Тогда составьте мне компанию. Я угощу вас теплым молоком с крекерами, а вы сыграете мне что-нибудь на вашей удивительной скрипке. Как вам мое предложение?

– Я не в силах сказать вам, – улыбнулся скрипач.

После обещанного угощения Маэстро вышел на середину комнаты и заиграл. Он буквально слился со скрипкой в единое целое, а музыка лилась из его души. Он был великолепным музыкантом. Я слышала мало, но все равно с уверенностью могла сказать, что он был лучшим. Он жил музыкой, с помощью нее он раскрывал свое сердце и общался с людьми. Это был театр одного актера. Декорациями служили переживаемые им чувства, отражавшиеся во мне, как в зеркале.

По моим щекам скользнули две блестящие искорки восхищения. Я еще никогда не плакала, слушая музыку, но Маэстро играл с удивительной эмоциональностью, вкладывая в каждый звук частичку себя. Я еще никогда не переживала ничего похожего. У меня кружилась голова от виртуозных пассажей, от тихой тоскливой мелодии сжималось сердце, а от возвышенно-торжественной хвалы начинало биться скорее. Это было неподражаемо.

Вдруг музыка оборвалась, и скрипач закашлялся. Я подала ему стакан с недопитым молоком.

– Вам лучше?

– Да, спасибо, – хрипло сказал он и, видя мой тревожный взгляд, пояснил:

– Дело в том, что скрипка дает напряжение на голосовые связки, а тут еще эта простуда.

– Вам нужно теплее одеваться и обязательно наматывать на шею шерстяной шарф. У вас есть шарф?

– Благодарю за заботу, милая барышня, но шарф у меня отняли еще в прошлом году.

– Но ведь скоро зима! Как же вы без шарфа? Я бы отдала вам свой, но он из шелка и к тому же женский, – с сожалением сказала я. У Маэстро в глазах блеснули слезы.

– Я искренне тронут вашей заботой о бедном одиноком старике, но позвольте заметить, что теплые слова, идущие от чистого сердца, исцеляют куда лучше всяких лекарств и шарфов. Позвольте откланяться – время уже позднее, и я не смею задерживать вас более.

Я взглянула на часы.

– Половина десятого. Ну надо же как пролетело время!

Проводив Маэстро и поблагодарив его за удивительный концерт, я перекусила и, выключив свет, села на матрац Димы. В голову лезли самые разные мысли. Сперва я подумала, что надо закатить ему скандал, но тут же остановила себя. А на каких основаниях? Какое я имею право? Кто я ему?

Затем я представила их вместе в одной постели после долгой разлуки, и мне стало ужасно обидно. Трезвый рассудок сразу поинтересовался: «А, собственно говоря, есть ли у тебя право обижаться на него? Если уж хочешь на кого-то обидеться, то обидься на саму себя, ведь именно ты подстроила эту встречу. После этой здоровой мысли обижаться расхотелось вовсе, и уж тем более на себя.

Внезапно в голову юркнул страх. «А вдруг он больше никогда не вернется? Просто уйдет, как тот художник, с которым они снимали эту квартиру. Что будет тогда? За дни, прожитые здесь, я очень привязалась к нему... Боже, я снова привязалась! Вот глупость. Я и не заметила, как это произошло. Так вот в чем основная причина моего страха – привязанность. Я боюсь потерять то, что мне не принадлежит».

После того, как на поверхность сознания всплыла причина страха, он стал постепенно таять.

«Пусть будет так, как будет», – решила я для себя и, зевнув, сомкнула веки...

Я проснулась от странного ощущения: как будто кто-то светил мне фонариком в лицо. В голове пронеслось: «Наверное, забыла выключить свет», – но я тут же припомнила, что погасила вчера лампы. Я приоткрыла глаза. Из-под голубой панамы неба торчали золотые косы солнца. Это было просто невероятно! Рядом раздались осторожные шаги.

– А, ты уже проснулась, – ласково сказал Дима. – Ну, с добрым утром.

– Действительно, с добрым утром.

– Я приготовил нам завтрак. Предлагаю быстро поесть и отправиться на прогулку – погода сегодня великолепная.

Так мы и сделали. Сразу после завтрака мы пошли гулять по подсыхающему асфальту, рассматривая удивленно-наивные лица прохожих.

– Знаешь, а я вчера подумала, что ты не вернешься. Правда, глупо? – виноватым тоном спросила я.

– Извини, что заставил тебя беспокоиться, не придя ночевать. Просто мы сидели в ночном баре и разговаривали, совершенно забыв о времени, – и Дима стал рассказывать о том, что узнал этой ночью. – После того, как Дана, бросив меня, уехала с владельцем модельного агентства, она поселилась здесь (тут как раз открывался филиал). Она надеялась, что фирмач женится на ней, но этого не случилось. Год спустя он сыграл свадьбу с женщиной его круга и его амбиций, оставив Дану с маленьким ребенком на руках. Чтобы откупиться, он сделал ее директором этого модельного агентства и уехал. Так что в какой-то мере можно сказать, что ей повезло – она добилась желаемого, – горько усмехнулся Дима. – Боже, как она изменилась! Она даже имя поменяла, потому что оно не нравилось ее любовнику. Она потеряла имя... Оказывается, Дана часто вспоминала о нас и теперь очень жалеет о содеянном. Но прошлое – это то, что прошло и исчезло, как табачный дым, запах от которого сохранился только в памяти.

Дима остановился, взял мою руку и крепко сжал ее.

– Для меня еще никто и никогда не делал ничего подобного. Теперь я, наконец, освободился от фантома прошлого и в этом только твоя заслуга. Ты удивительная девушка. Жаль только, что твоя проблема не исчезла. Если бы я только мог помочь...

– Спасибо, но теперь я вижу все совсем в другом свете и уже скупаю по домашним. Чтобы окончательно разделаться с привязанностью, а значит и с прошлым, мне нужно сделать всего один шаг, вот только пока не знаю, в каком направлении, – с ноткой печали произнесла я.

– Вперед, – сказал Дима. – Только вперед.

Весь день мы гуляли по городу, который выглядел совершенно по-иному, нежась в лучах солнца. Он казался мне очень высоким, именно высоким. Когда шел дождь, все взгляды были обращены вниз или, в лучшем случае, на уровне глаз, сейчас же все тянулось к бесконечному небу.

Удивительный нежно-голубой вечер стелился нам под ноги. Я прекрасно понимала, что мое путешествие в этот городок подходит к свое-

му логическому завершению, но что-то оставалось недосказанным или недоделанным. Ответ на этот вопрос был очень близко, но я пока не могла до него дотянуться.

Купив бутылку сухого вина и фрукты, мы решили вернуться домой.

– А откуда у тебя деньги? – хитро поинтересовалась я.

– Дана предложила мне работу и буквально всучила аванс.

– Ты согласился?

– Я взял пару дней на раздумья, но вряд ли мой ответ будет утвердительным. Оставим прошлое там, где оно должно быть. А деньги я верну ей, только попозже.

Дима как-то странно посмотрел на меня, а потом улыбнулся.

– Что? – несколько смущенно спросила я. Он покачал головой.

К сожалению, я не умею читать мысли, а иначе правильно истолковала бы этот взгляд, который наверняка что-нибудь да значил.

Тишина обняла нас. Внезапно я подумала о своем городе, о своей семье. Эта вспышка подпитала решение, которое тлело вот уже несколько дней.

– Завтра я уезжаю.

Тихое признание сорвалось с губ, но, несмотря на всю хрупкость, оно было однозначным. Я взглянула на Диму. Допив последний глоток из бокала, он глубоко вздохнул и, повернув голову ко мне, сказал:

– Я чувствовал, что ты это скажешь. Но ведь это будет только завтра.

Дима взял бутылку и заново наполнил бокалы.

– У нас еще есть целое сегодня.

Какая-то теплая тишина задула свечи разговоров. Все действительно будет только завтра.

– Как насчет фотографий? – спросила я, чуть наклонив в сторону голову.

– Может быть, сначала допьем? – предложил Дима. Я кокетливо подняла брови.

– Ну, хорошо, – согласился он и отправился за фотоаппаратом. Тем временем, я осушила бокал и поднялась на второй этаж, чтобы переодеться. По коже пробежали мурашки.

– Ты готова? – донеслось снизу.

– Да, – уверенно сказала я и стала спускаться по лестнице.

На мне было черное обтягивающее платье, расшитое блестками, с чувственным вырезом, обнажающим плечи. Не знаю, зачем я привезла его с собой, наверное считала, что он принесет мне удачу, как это уже случилось четыре года назад. Алая помада контрастировала с платьем и привлекала внимание к лицу. Но больше всего в глаза бросалась другая деталь.

Когда я спустилась, Дима смущенно поинтересовался:

– А почему босиком?

– Туфли остались дома. Я ведь не собиралась его надевать.

– А тогда зачем привезла?

– Ну ты же сам сказал, что я удивительная, – быстро нашлась я. Сфотографируй меня на столе. Я буду пить вино и есть фрукты.

– Теперь я понял, почему ты так внезапно захотела фотографироваться, – пошутил Дима.

«Интересно, выдержит ли меня этот старичок?» – размышляла я, подходя к столу. «Эх, была-не была», – решила я и аккуратно присела на него. Положив ногу на ногу. Столик покачнулся и скрипнул.

– Раньше я любила острые ощущения.

– Ты это о чем? – снимая меня, спросил Дима.

– О столе, конечно, – ответила я и осторожно прикусила краешек нижней губы. Потом я стала неспешно наматывать прядь волос на палец и таинственно улыбаться. В голове вертелась фраза из сказки: «Ой, что делаю, что творю!» Посмотрев в объектив взглядом исподлобья, я приоткрыла рот и медленно провела кончиком языка по верхним зубам. Дима опустил фотоаппарат и улыбочиво пригрозил:

– Не надо так делать.

– А что я делаю? Я просто позирую, – состроив невинные глазки, сказала я. Дима продолжал щелкать затвором.

Я встряхнула пышными волосами и, откинувшись, скользнула правой рукой по шее, спускаясь ниже и ниже. Столик скрипнул.

– А сейчас – смертельный трюк, – объявила я и попыталась встать на стол, но бедняга не выдержал такой наглости и с треском развалился надвое. Дима испуганно подбежал ко мне.

– Как ты? Ты не ушиблась?

Оценив всю забавность ситуации со стороны, я заливисто рассмеялась. Дима тоже не смог остаться равнодушным.

Когда запас смеха иссяк, настала пауза нерешительного ожидания. Дима присел рядом и поцеловал меня. Мои цепкие кисти обвились вокруг его шеи. Он взял меня на руки и поднял.

– Ты же говорил, что я тяжелая?

– У меня внезапно открылись неиспользованные силы.

– Это кстати, – томно улыбнулась я...

Наше солнечное утро началось в полдень. Я приготовила завтрак, и мы уселись есть на полу.

– Что будешь делать дальше? – спросил Дима.

– Вернусь домой и продолжу жить, правда отныне только настоящим, ну и, в крайнем случае, ближайшим будущим.

– Ты ни о чем не жалеешь? – спросил он.

– Нет, – с уверенной улыбкой ответила я. – Надеюсь, ты тоже. Но у меня здесь осталось одно незавершенное дело.

– Какое?

– Да так, мелочь, – махнула рукой я и поцеловала его. – Скоро приду.

Игриво подмигнув, я пошла одеваться.

Купив в магазине теплый длинный шерстяной шарф и зонт, я вернулась. Сперва я зашла к Маэстро и преподнесла свой подарок, поблагодарив за его удивительную музыку, а потом прошла к Диме.

– Это тебе, – сказала я, протягивая зонт.

– Боюсь, мне он не понадобится.

Я удивленно подняла брови.

– Мне незачем здесь оставаться. Теперь меня ничто не держит в этом городке. Слушая о твоём доме, я вспомнил о своих родных, друзьях и понял, как мне не доставало их бескорыстной любви. Мой поезд будет только завтра.

– А что же теперь делать с зонтом?

Дима пожал плечами.

– Знаешь, я, пожалуй, оставлю его здесь для очередного постояльца Пасмурного города. Зонт наверняка ему пригодится...

И вот теперь я еду в поезде, покидая город. Мне хорошо и легко. Теперь я поняла, что любовь не возможна без свободы, а свобода, в свою очередь, – это умение не привязываться к людям, вещам, к прошлому. Очень сложно любить, не привязываясь, любить ради самой любви, быть счастливым здесь и сейчас, не откладывая теплые слова в долгий ящик. Нужно жить этим чувством, не сажая его в клетку и не подрезая крыльев. А если любовь решила уйти – отпустите, ведь лишив ее свободы, вы сами окажетесь под замком. И будьте благодарны любви за тот свет, которым она озарила вашу жизнь.

Что же касается Димы, то я уверена, что с ним все будет хорошо, как и со мной. Теперь не судьба играла мной, а я сама выбирала свой путь.

А за окном сияло солнце, и Пасмурный город улыбался, улыбался мне одной...

СКАЗОЧКИ ИЗ МУСОРНОЙ КОРЗИНЫ

Маша осторожно приоткрыла тяжелую дверь, ведущую в библиотеку отца. Александр Афанасьевич сидел за столом и что-то напряженно писал, держа в левой руке сигарету. Сделав очередную затяжку, он чуть отстранился от стола и задумался, вглядываясь в рукопись.

Маша на цыпочках подошла к отцу и, положив на стол нарисованную ею открытку, уселась к нему на колени.

– С Днем рождения, папочка! – радостно воскликнула она и чмокнула его в щеку.

Александр Афанасьевич удивленно посмотрел на дочь.

– У меня что, и в правду сегодня День рождения?

– Угу, – кивнула Маша и выразительно посмотрела на отца.

– Да, я совсем заработался, – покачал головой Александр Афанасьевич и тут же поспешил отметить: – Какая красивая картина – самый настоящий шедевр. Спасибо, моя милая.

– А что ты делаешь?

– Работаю, – ответил отец и, скомкав только что исписанный листок бумаги, швырнул его в корзину для мусора.

– Пап, а давай сегодня покатаемся на пони?

– Я бы с радостью, милая, но мне нужно сдать длинный исторический роман, а я до сих пор так и не закончил его редактуру, – вздохнул Александр Афанасьевич, покосившись на увесистую стопку на краю стола.

– А что такое «редактура»?

– Ну, это когда ты сидишь и исправляешь то, что неправильно написано.

– А почему ты сразу не написал правильно? – удивилась Маша. – Тогда бы тебе не пришлось ничего переделывать.

Александр Афанасьевич усмехнулся и улыбчиво сказал:

– Ты абсолютно права. Следующий раз я непременно воспользуюсь твоим советом. А сейчас мне нужно работать.

– Значит, мы не пойдем кататься на пони?

– В следующий раз мы обязательно сходим. Я тебе обещаю.

– Но это уже следующий раз! – выкрикнула Маша и, обиженно надув губки, слезла с колен. – У тебя никогда нет на меня времени.

– Ну вот, ты уже говоришь, как твоя мать, – вздохнул Александр Афанасьевич и, видя, как глаза дочери наполняются слезами, пошел на попятную. – Ну, хорошо, хорошо, мы пойдем кататься на пони, только дай мне десять минут, чтобы сделать пару звонков.

Он снова посмотрел на внушительную стопку бумаг и пробормотал:

– А действительно, зачем я сижу с этой ерундой, ее все равно никто не читает. Скажу горничной, чтобы так отдала и ладно.

Александр Афанасьевич встал и, поцеловав улыбающуюся дочку в лоб, шутливо пригрозил:

– Ах ты, хитрюга! Знаешь, как сыграть на отцовских чувствах. Ну ладно, подожди меня, я скоро приду. На столе ничего не трогай.

– Хорошо, папочка.

Лишь только дверь тяжело захлопнулась, как Маша с радостным видом подбежала к столу и плюхнулась в мягкое кресло.

На столе отдыхал компьютер. Александр Афанасьевич редко обращался к нему за помощью, предпочитая технику старым методам – ручке и бумаге. Справа от него лежали несколько неаккуратно сложенных стопок бумаг, а слева находилась пепельница с большим количеством окурков. Маша взяла один из них и поднесла к губам. Неприятный запах тут же зашекотал в носу, и Маша, чихнув, уронила его на пол.

Время шло, но отца все не было. Маша придвинула к себе одну из стопок и начала читать. Однако эта рукопись ей быстро наскучила, поскольку в ней было слишком много непонятных слов. Вдруг ее взгляд упал на мусорную корзину со скомканными бумагами. Девочка слезла со стула и, вытащив несколько исписанных листов, снова взгромоздилась на прежнее место. Аккуратно расправив их, Маша прочла вслух:

Сказка о ботинке

Жил да был себе Левый ботинок. Жил довольно-таки неплохо. Много, где побывал, много, чего повидал, в общем, не жаловался ни на что. И был у ботинка брат-близнец – такой же ботинок, только Правый.

Однажды спросил Левый ботинок брата:

– Нас все с тобой называют близнецами, но не кажется ли тебе, что мы все-таки отличаемся друг от друга?

– С чего ты взял такую глупость? – возмутился Правый ботинок и скомандовал: – А ну переворачивайся, я докажу тебе, что таких похожих друг на друга, как мы с тобой, и во всем мире не сыщешь.

Левый ботинок послушался и успокоился.

Полил как-то сильный дождь. Хозяин ботинок так промок, что заскочил в первый попавшийся магазин. В нем находилось огромное зеркало высотой от пола до самого потолка. Левый ботинок посмотрел на свое отражение и причмокнул от удивления.

– Посмотри, – обратился он к брату, – мы же с тобой вовсе не одинаковые. Мы с тобой лишь отражение друг друга. Но кто является отражением, а кто оригиналом? Нет в этом правды, – раздосадовано чавкнул он.

– И что же ты собираешься делать?

– Пойду правду искать.

Дождь вскоре кончился, выглянуло солнце. Хозяин вернулся домой и поставил ботинки на подоконник, чтобы они за ночь высохли. Улучив удобный момент, Левый ботинок взял да и свалился с подоконника во двор. Тем же вечером дворник сжег его с кучей мусора. А утром хозяин, не обнаружив Левого ботинка, отправил Правый на свалку. И теперь было уже совсем не важно, кто был отражением, а кто оригиналом, ведь правда была не в том, что они разные, а в том, что они пара.

Порою правду не надо искать, ее просто нужно разглядеть.

Сказка о лампочке

Жила-была на свете очень милая и хорошая Лампочка, которая желала всем услужить, ведь считала смыслом своей жизни совершение добрых дел. Она светила всем и всегда, в любое время дня и ночи. Но однажды Лампочка заметила, что на ее свет слетаются мотыльки и гибнут.

– Что вы делаете, глупые мотыльки? Не летите сюда, иначе погибнете, – призывала она.

– Мы не можем не лететь. Ты манишь нас своим светом.

– Как же быть? – расстроилась Лампочка.

– А ты не свети, мы и не прилетим.

– Но как же я могу не светить, ведь я подчиняюсь людям.

– Тогда ты ничем не сможешь нам помочь.

Весь день Лампочка думала, как ей быть. Ей было очень жалко мотыльков и в то же время она не могла отказать людям. Всем услужить невозможно. Лампочка расстроилась и перегорела. Этим вечером мотыльки действительно не прилетели к ней, а на следующий день люди заменили Лампочку на новую.

Никому, даже самой доброй и хорошей Лампочке, не суждено изменить ход жизни.

Сказка о сигарах и папиросах

Встретились как-то на тумбочке Сигары и Папиросы и принялись спорить о том, кто из них лучше.

– Нас хозяин купил в лучшем магазине, – гордо высказались Сигары.

– А наш хозяин собственноручно скрутил нас, – отозвались Папиросы.

– В нас самый лучший табак.

– А наш табак хозяин вырастил сам.

– Мы – элита, наш вкус славится по всему миру.

– А такого вкуса, как наш, больше не найдешь нигде.

Спорили они, спорили, чуть до драки не дошло, а потом юркнули в карманы своих хозяев и так на недосказанности и разошлись. В общем, каждый остался при своем мнении.

Тем же вечером Сигары превратились в горку пепла, а окурки от Папирос сметал с мостовой холодный ветер.

Кем бы ты ни был в этой жизни, дорогой Сигарой или самодельной Папиросой, конец все равно у всех один.

Сказка о форточке

На первом этаже одного из домов жила Форточка. Служила хозяевам исправно, от сквозняков защищала, но мечтала она совсем о другом. Во снах ей часто виделось, будто она не Форточка, а крыло птицы, и что она летит куда-то вдаль, обдуваемая всеми существующими ветрами. Но лишь только горизонт на востоке заливался алой полосой, сны растворялись, как сахар в горячем чае, и Форточка опять скучала, грустно поскрипывая на сквозняке и наблюдая за воронами с мусорной свалки.

«Как они свободны! – завидовала им Форточка. – Один взмах крылом, и они уже далеко, а я прикручена к окну, и как бы не старалась, все равно не смогу сдвинуться с места. И вообще, зачем я здесь нужна?» Форточка печально скрипнула.

Однажды днем на улице разразился настоящий ураган. Сильный ветер нещадно обрывал листья с деревьев, кидая их из стороны в сторону, гнул деревья. Тут Форточка увидела в черно-синем небе стаю птиц. И Форточка заскрипела изо всех сил:

– Возьмите меня с собой, возьмите!

Но птицы не слышали ее.

– Ну возьмите же! – взмолилась форточка. – Я хочу улететь вместе с вами!

Ветер злобно захлопнул ее, будто говоря: «Куда тебе до них». Но Форточка снова открылась, с истошным скрипом. Ветер вновь попытался ее закрыть, но на этот раз у него ничего не получилось. Тогда он с еще большей ненавистью кинулся на нее.

Когда хозяева вернулись домой, они обнаружили страшный беспорядок. Отныне Форточку всегда закрывали, когда уходили из дома, и Форточка заскучала еще больше. Ее даже хотели смазать, чтобы та не скрипела по пустякам, но, к счастью, вскоре забыли об этом.

Как-то ночью было очень душно, и хозяева открыли Форточку, чтобы проветрить квартиру. А под утро в нее влез вор. Сразу видно, что эта квартира была у него не первой, поскольку он действовал быстро и бесшумно. Вся квартира спала, и лишь Форточка оказалась свидетельницей ограбления. Она не знала, как ей быть, что предпринять. И тогда Форточка сделала единственное, что умела – она громко скрипнула. Вор вздрогнул и уронил на пол тяжелую Вазу. Проснулись хозяева и поймали его.

Больше Форточка не мечтала стать крылом птицы, поскольку знала, что она нужна здесь. И лишь иногда, всматриваясь в голубую гладь неба, она вспоминала о своей мечте.

Без мечты жить нельзя, но жить, постоянно мечтая, тоже невозможно.

Сказка о вине и шампанском.

Разговорила как-то бутылка старого коллекционного Вина ибутылка дорогого элитного Шампанского. Всех обсудили, всем пробки перешили. Вдруг Вино возьми, да и скажи:

– И все-таки, какой бы ты ни была дорогой, тебя откупорят и выпьют первой.

– С чего это ты взяла? – удивилось Шампанское.

– Понимаешь, деточка, – свысока начала бутылка Вина, – я сменила уже трех хозяев, во мне покоится очень старое вино, которое не то что берегут для особенных случаев, его продают за баснословные деньги, дарят, оставляют в наследство. Хранить меня – уже означает быть ценителем.

Ты же – напиток для празднеств. Твоя ценность открывается только тогда, когда пробка взлетает вверх. Твое вино хорошо пока молодо, для меня же каждый год прибавляет цену и вкус.

– Ну мы еще посмотрим! – негодуя фыркнуло Шампанское, не найдя слов в свою пользу.

Через несколько часов бутылку с Шампанским достали и увезли, после чего она была разбита о борт новенькой яхты. Вино же продолжило довольно стоять на своем месте. Но так случилось, что в этот же день в погребе, где хранились все вина, сломался кондиционер, и все, включая наше дорогое Вино, вылили в раковину.

Какой смысл спорить о том, что от нас не зависит?

Сказка о свече

Это был старый дом. В нем жили Мужчина и Женщина. Они очень любили друг друга, хотя и нередко ссорились. Как-то Она подарила Ему Свечу. Мужчина не придав подарку особого значения поставил Свечу в шкаф, где хранился старый Фонарь.

Когда все ушли на работу, Фонарь спросил:

– Эй, кто ты такая?

– Я Свеча, – робко ответила она.

– Свеча? А зачем ты?

– Я приношу людям свет.

– Ой, не смейся, – скрипнула под потолком Люстра, – ну какой от тебя может быть свет? Вот я, например, освещаю всю комнату.

– А меня хозяин включает, когда читает вечером газеты, – вмешалась Настольная лампа.

– А я сопровождаю его в вечерних прогулках, – гордо объявил Фонарь. – Так каково твое высшее предназначение?

Свеча не знала, что ответить.

– Вот если я перестану светить, – не унимался Фонарь, – мне заметят батарейки, и я буду как новенький.

– А если у меня перегорят лампочки, – подхватила Люстра, – достаточно вкрутить новые, и я опять буду работать.

– А что будет с тобой? – спросила Настольная лампа.

– Я ... я просто сгорю...

– Так какой от тебя прок?! – возмутился Фонарь. – Светишь тускло и сгораешь быстро. Так каково же твое высшее предназначение?

– Я не знаю, – растерялась Свеча. – А вдруг у меня его нет?

– У каждого должно быть свое высшее предназначение, – важно качнула Люстра, – иначе его жизнь бессмысленна.

Свеча грустно посмотрела в ответ. Она уже не знала, для чего нужна и нужна ли вообще. Она чувствовала себя изгоем, ведь смысл собственной жизни был для нее загадкой.

Вечером Мужчина и Женщина снова поссорились, но не помирились, как это обычно бывало. Женщина собрала чемодан и ушла.

Мужчина долго смотрел в окно, наблюдая, как небо становится совсем черным. Весь дом притих вместе с ним. Даже кухонные часы перестали тикать. Внезапно в ставни постучался дождь. Все быстрее и быстрее он бил чечетку, и совсем скоро его четкий ритм превратился в громкий шелест. Вдруг кривая игла молнии проткнула набухшее небо, и в доме погас свет. В грозу здесь часто вылетали пробки. Мужчина включил Фонарь и уже хотел было пойти починить их, но тут на его глаза попала Свеча, которую подарила Она. Мужчина молчаливо повертел в руках восковое тельце, а потом поставил Свечу на стол и зажег. Робкое тусклое пламя осветило комнату. Он долго смотрел на Свечу, и в его глазах отражались маленькие огоньки. И тут Мужчина взял бумагу и стал писать, писать о том, в чем так долго не мог признаться Ей. Он исписывал страницу за страницей, вкладывая в каждое слово частичку себя. По бледному телу Свечи текли слезы, она таяла, но при этом была необычайно счастлива, потому что теперь знала свое высшее предназначение, знала, что она жила не зря.

Когда от Свечи остался только невзрачный огарок, Мужчина сложил исписанные листы в конверт и отправился к Женщине. Она простила Его и вернулась домой.

Удел одних – светить под ноги, а других – оттаивать своим теплом людские сердца. И как бы ни было тускло твое пламя, если оно сумело зажечь в ком-то огонь, значит, оно горело не зря.

– Ах вот ты где, – зазвучал низкий голос горничной. – А я тебя по всему дому ищу. Александр Афанасьевич велел, чтобы ты собиралась.

Горничная подошла к столу и, взглядываясь в бумаги, недовольно произнесла:

– Опять здесь беспорядок! И накурено-то, накурено! Убирай – не убирай, а все равно все бумаги в куче. Ты тут ничего не трогала?

Маша отрицательно покачала головой.

– Ну, смотри, если по твоей вине опять что-нибудь напутаю, то все расскажу отцу, – пригрозила она и тяжело вздохнула, глядя на тяжелые стопки бумаг. – И зачем он все это пишет, ведь уже в какой раз

ВЛЮБЛЕННЫЕ.

отказ получает! Лучше бы чем-нибудь путным занялся. Ну да ладно, не моего ума дело. Так, роман вроде бы этот, – неуверенно произнесла она, – а впрочем, какая разница, они все равно одинаковые... Ну да ладно, иди и поторопись, а то Александр Афанасьевич заждался.

Маша слезла с кресла и, не сказав ни слова, шмыгнула за дверь.

– И все ж до чего он неаккуратный! – всплеснула руками горничная. – Гляди, сколько листов измял. Я бы в издательстве такое даже читать не стала, не то что печатать. Ой, да говори – не говори, все бесполю.

Через неделю из издательства пришел ответ, читая который Александр Афанасьевич крайне удивился. Роман, как и в прежний раз, отклонили, зато попросили прислать еще пару сказок, если его не затруднит. Он пришел в издательство и сказал, что никаких сказок не отправлял. Тут ему показали измятые листы бумаги. На следующий же день Александр Афанасьевич принес еще несколько сказок, а потом еще и еще. Вскоре у него вышла целая книга, после чего он стал знаменитым сказочником.

Когда его потом спрашивали, как эти сказки попали в рукопись исторического романа, он всегда отвечал с загадочной улыбкой:

– Им простопоказалось слишком скучным лежать в мусорной корзине.

За окном сгущались сумерки. Они сидели в кухонном полумраке на подоконнике.

– Красивый сегодня вечер, – робко начал он.

– Да, – согласилась она. – У тебя есть что поесть?

– Конечно, – ответил он, радуясь, что заранее об этом позаботился.

– Сыр? – удивилась она. – А мы сегодня шикуюем.

– Есть повод. Ты не представляешь, с каким трудом мне удалось его добыть сегодня утром. Вытащил буквально из-под носа хозяина.

– Дурачок, – пробуя сыр на вкус, ласково отозвалась она.

– Я рисковал своей жизнью, а ты ... дурачок, – обиделся он.

– Ну, ладно тебе, не бери в голову. Лучше сам попробуй, ведь наверняка тоже голодный.

– Да уж, – немного оттаивая, сказал он.

– Тяжело жить стало. Каждый день таит в себе столько опасностей. Знаешь, я уже думаю сменить квартиру.

– Переезжаешь? – спросил он, чувствуя, как сердце замерло в груди.

– Не знаю пока. Эти хозяева мне порядком надоели. Я вот им ничего плохого не делаю, а они ... Стоит днем на глаза попасться – неприятностей не оберешься.

– Что да, то да. Я только собрался с хозяином потолковать, так он в меня чуть тапочкой не запустил, – пожаловался он. – А за что?

– А на меня с таким презрением посмотрел... Да...

– Тяжело сейчас найти нормальных хозяев.

– Зато хозяйка всегда такие интересные книжки на столе оставляет. Недавно вот Агату Кристи читала.

– И как?

– Да я пробежаться только по одной странице успела, пока она в комнате одевалась. Ведь узнает, что я до ее книжки дотрагивалась, травлю устроит, – тяжело вздохнула она. – Нет, все-таки нужно съезжать. Слушай, я тут совсем заговорила, а ты ведь говорил о каком-то поводе.

– Каком поводе?

– Ну, когда я спросила по какому случаю сыр, ты сказал, что есть повод.

– Да я забыл уже.

– Ну, ладно тебе. Выкладывай.

ПОЛОВИНКИ

Он замешкался. Взглянул сначала в темно-голубой прямоугольник окна, потом на зачерствевший сыр. Сначала он подумал, что надо как-нибудь красиво начать, но как именно он не знал, поэтому выпалил все сразу.

– Я хочу, чтобы у нас была семья. Детей штук десять. И чтобы мы жили долго-долго вместе и были счастливы.

– Это что, предложение?

– Да.

– Погоди-ка, «да» должна произнести я.

– Так ты согласна?

Вспыхнул свет. Раздалось шарканье ног по линолеуму.

– Все, кажется, мы влипли, – прошептал он.

– Тихо. Главное, не двигайся, может подумают, что мы – часть интерьера?

– Нет, эта все заметит, – мрачно отозвался он.

На кухню вошла хозяйка, сонно потирая глаза. Из спальни донеслось:

– Дорогая, ты идешь?

– Сейчас. Ты книжку мою не видел?

– Кажется, я положил ее на подоконник.

– Все, нам крышка, – сказала она.

– Почему?

– Потому что мы на ней сидим.

– Тогда не крышка, а тапочка. Как только скажу, бежим в разные стороны – так вернее. Встречаемся за плитой.

Хозяйка плавно отодвинула тюль и замерла.

– А – а – а – а – а! Сережа! Они здесь!

– Кто? – донеслось из спальни.

– Эти чертовы тараканы! Я же сказала тебе купить отраву! Ну, держитесь, паразиты!

– Пора, – скомандовал он, и они разбежались.

Хозяйка еще долго вопила, бегала с тапочкой в руке и зачем-то смачно долбила по стенам. Видимо первобытный инстинкт охотника разыгрался в ней не на шутку. Когда же она поняла, что здесь пролития крови она не добьется, то пошла пить ее из мужа. Ох, уж эти двуногие паразиты!

Дождавшись, пока все стихнет, влюбленные встретились за плитой.

– Ну, так ты согласна?

– Конечно, любимый!..

Жили-были двое обыкновенных людей, удивительно похожих, но вместе с тем, очень разных. Их ангелы-хранители уже давным-давно зааживали друг к другу в гости – там, на небе, все было решено.

Она частенько плакала, поднимая вверх раскрасневшиеся глаза, и молила о чуде. Он никогда не молился, поскольку считал это уделом убогих, зато в глубине души каждый день просил кого-то изменить его жизнь. У нее были поклонники и, на взгляд обывателя, вполне достойные, вот только она отказывала всем, потому что чувствовала, что впереди еще будет ЕЕ человек. Он говорил «нет» только на следующее утро, когда обнаруживал, что вчерашняя королева на самом деле оказывалась обыкновенной дешевкой. Он ждал, он надеялся, он верил, что в его жизни появится та единственная.

В этот день они оба вышли на улицу с ощущением того, что именно сегодня должно произойти то главное, чего они так ждала. Их ангелы сидели на облаке и улыбались, видя, как их подопечные садятся в один трамвай.

Они мечтательно смотрят в окно. Они еще не видят друг друга, не знают, что их судьба находится в полуметре друг от друга. Его хранитель решил ускорить дело и подтолкнул его к ней. В это мгновение трамвай тронулся, и Он наступил Ей на ногу.

– Смотри, куда наступаешь! – с досадой смотря на испорченные замшевые ботиночки, выкрикнула Она.

– А ты не расставляй ноги общественном транспорте, как попало, – ответно огрызнулся Он.

Вечером они оба вернулись в свои одинокие квартиры. На душе было холодно и слякотно. Так они поняли, что никакой судьбы и предопределенности нет, что теория о двух половинках – это просто теория и что жизнь действительно отвратительная штука.

Она потом выходила дважды замуж, и оба раза все закончилось разводом. Он никогда не женился. Все Его романы были кратковременны и пусты. Оба они состарились в одиночестве.

Ангелам был сделан выговор за недобросовестную работу. Их даже хотели разжаловать, но потом буря все же улеглась – как ни

крути, а людей на Земле куда больше, чем заоблачных пернатых. Вскоре им поручили новое задание - еще одних мужчину и женщину.

Я так и не встретила свою вторую половину. А, может быть, по чьей-то халатности там, на небе, мы просто не узнали друг друга?

ДОЖДЬ

Небо пухло с самого утра, предвещая непогоду. Голова не то чтобы болела, скорее, невнятно ныла. Настроение с отметки ноль скатывалось ниже. Где-то в области солнечного сплетения свербело неприятное чувство неотвратимости чего-то еще не произошедшего.

Наконец, сизая туча почернела, и по городу неуклюже зашлепал дождь, полируя шершавые серо-рыжие снежные насты. Первый весенний дождь.

Я вышла из дома в девять и поспешила на работу (к счастью, у меня не было первых двух уроков). Туфли скользили, ветер резко вырывал из рук зонт, ледяные капли били беспощадно. Я сразу же пожалела о том, что не взяла перчатки.

Я вошла в глянцево-блестящий троллейбус. Влажная духота приняла меня без сопротивления, но и без особой радости. Все вымученно молчали. Никто не хотел разговаривать, вот если только поругаться, но, опять же, не начиная первым.

Дождь косыми струями стирал с окна грязь, мимо, подрагивая, плыли размытые афиши, напряженно-озадаченные лица. Город снимал маски, дождь методично слизывал пыль и чуждые краски, показывая истину без прикрас.

Я с трудом свернула мокрый холодный зонт и вошла в школу.

– Наталья Федоровна, - тут же обратилась я на ходу к классной 6 «В».

– Да? – Не сбавляя темп и не поворачивая головы, машинально ответила она.

– Могу я взять у вас журнал, чтобы заполнить его за март, а то...

Дальше я не стала продолжать - Наталья Федоровна не удосужилась не то, чтобы выслушать и ответить, даже остановиться.

День пролетел скомкано и пусто. Я накричала на 3 «а» - сама не знаю, почему. Они тоже не поняли, но болтать на пару минут перестали.

На улице заметно похолодало. Дождь нещадно молотил по зонту, туфли, причмокивая, месили грязь. Ветер злился на мою медлительность и пару раз ударил меня по лбу железным прутком зонта.

Домой я пришла мрачная и уставшая. В кресле как обычно сидел Паша и читал газету. Я прошла на кухню. В хлебнице было пусто. Мусорное ведро ломилось от излишеств. Это раздражало.

– Почему не купил хлеба? – спросила я и почувствовала, что заво-

жусь, но тут же восстановила равновесие. Паша не ответил. Он перелистнул страницу и пробубнил:

– Я устал от твоих вечных упреков.

– Я знаю, – сочувственно выдохнула я.

Паша закрыл газету и пытливо уставился на мою переносицу.

– Нам надо расстаться, – мягко, утешительно сказала я.

Паша не понял. Нахмурил брови, собрав на смуглом лбе морщины, и снова уставился в газету, а затем на меня, будто спрашивая, то ли он услышал. Я доверительно кивнула. Паша хотел спросить, почему, но я опередила его кратким:

– Не спрашивай. Пусть будет так.

Я знала, это конец. Паша тоже понял. Он встал, молча собрал в спортивную сумку вещи и ушел.

Я думала, мне станет легче. Не стало. Я открыла форточку и впустила в комнату ледяную прохладу дождя. Он лился строго вниз, земля жадно тянула водяные веревки из неба.

Внутри корчило изнывающее от невнимания чувство тоски. Я внезапно ощутила острый приступ одиночества. Но это было не то одиночество, что рождается в одночасье, это одиночество было усердно впитано мной уже очень давно. Я не подозревала о его существовании, а оно выжидало, чтобы заявить о себе. Мне захотелось позвонить ему. Просто, чтобы услышать его голос. Я искала спасенья от самой себя в телефонном звонке бывшему парню, с которым рассталась больше полугода назад. Он был мне нужен, жизненно необходим.

Я подняла телефонную трубку.

– Ты так мне нужен... – простила я, набирая полузабытые цифры.

Внезапно я остановила себя. Да, он мне нужен, но вот я-то ему совершенно не нужна.

Руки опустились сами собой. Я ему не нужна...

Плети дождя поредели. Серые мутные тучи растеклись по всему небу.

Я ему не нужна... И пусть. Зато он мне нужен. И мне наплевать на гордость, я просто хочу позвонить и сказать ему это.

Сердце в томительном ожидании забило чаще.

– Да?

– Привет, – еле справляясь с дрожью в голосе, произнесла я.

– Привет, – ответил он настолько равнодушно, что на секунду мне даже показалось, что он просто не узнал меня.

– Чем занимаешься?

– Ничем. Телек смотрю.

Дождь окосело лизал кирпичную стену.

Мне так многое хотелось ему сказать, пусть без надежды на взаимность, просто хотелось поделиться.

– Приезжай ко мне, – тихо, но внятно сказала я.

Он замолчал, а потом неуверенно продолжил:

– Я не смогу. Не стоит.

Я хотела спросить, почему, но остановила себя.

– Тогда пока.

– Пока.

Я села на подоконник, запутавшись в тюле. Из открытой форточки сквозило, но мне было все равно. Дождь мало помалу стихал.

Раздался звонок в дверь. Я на миг представила, что это он, но тут же отогнала нелепые мысли. На пороге стоял вымокший до нитки Темка с двумя бутылками пива. Он когда-то очень давно любил меня, потом ненавидел, а сейчас, наверное, жалел. А, может быть, ему просто было одиноко.

– Я подумал, что тебе плохо.

– Ты что, телепат?

Темка кисло улыбнулся и пояснил:

– Встретил в троллейбусе Пашку, он сказал, что вы расстались.

Я ждала, вопроса «почему?», но Темка не спросил. Ему было все равно. Мне тоже.

Мы сидели на кухне и цедили пиво. Хотелось напиться, но пиво оказалось настолько невкусным, что поглощалось с большим трудом. Отхлебнув очередной глоток, я не выдержала и спросила:

– Где ты взял такую гадость?

– О, – с видом знатока протянул он, – хуже пиво во всем городе не сыщешь. Это специальное пиво, отучающее меня выпивать больше одной бутылки.

– Ну, а я-то в чем провинилась?

– А ты за компанию.

Мы сидели и молчали ни о чем. Сначала я хотела рассказать о том, почему бросила Пашу, но я и сама толком не знала. Потом поговорить о том, какая отвратная штука жизнь, но от этого, как правило, становилось еще хуже. Кроме того, лекарство в виде нормального пива отсутствовало, что заметно усложняло ситуацию.

Допив бутылку, Темка встал и сказал:

– Ну, я пойду.

Я хотела его остановить, но не знала, зачем, поэтому просто пожала

плечами, дескать, поступай, как знаешь. Темка потянулся, размял спину и ушел.

Я вылила остатки пива в раковину и привычным движением ноги закатила бутылку под кровать. Та гулко прокатилась по полу и, позвякивая, поздоровалась с соседкой.

Было уже семь. Есть не хотелось. Ничего не хотелось. Хотя нет. Одна мысль зудела в мозгу, как расчесанная ранка. Я очень хотела увидеть его. Хотя бы на несколько секунд. Мне бы стало легче, я знаю. Но он не придет – это я тоже знала.

Я натянула вымокшие туфли и потяжелевший кожаный плащ и вышла из дома. Туфли раздосадовано чавкали, стараясь миновать грязевую кашу, что далеко не всегда удавалось. В воздухе плыла холодная морось, оседая на лице и скрипящем в плечах плаще. Я шла к нему. Я не знала, что говорить, что делать. Я шла на удачу, не продумывая модель поведения и планируя диалоги в голове. Единственное, что я ясно понимала, так это то, что он был нужен мне, как никогда.

По плечам захлопали капли. Не знаю, то ли это было одобрение от дождя, то ли сочувствие. А может быть, он просто составлял мне компанию, минуя остановку за остановкой.

Я подошла к двери и без промедлений нажала на выпуклую кнопку звонка. В квартире раздалась трели электрического соловья. Я подождала, пока он затихнет, и нажала снова. Никого не было. А может, никто не открыл?

Я хотела оставить записку, но не знала, что написать, поэтому просто ушла.

Дождь стер яркие благополучные маски и обнажил суть. Он нужен мне. Я люблю его. А я ему...

На лужах вздувались пузыри. Взгляды фонарей уныло тонули в мутной коричневатой воде. Из стороны в сторону покачивались слипшиеся пряди волос. Ноги удрученно хлопали в разбухших туфлях.

Дождь был везде. Он даже проник в меня, и теперь неуверенно лился из глаз. Я, наверное, завтра заболею. И пусть. Пусть.

На лестничной площадке было натоптано. Кто-то долго ходил из стороны в сторону, как дикий зверь в клетке, сидел на пыльной батарее, дымя дешевыми сигаретами, как паровоз. Кто-то ждал и не дождался.

Я больше не буду звонить ему. А он больше не придет ко мне.

Как знать, может быть, это одиночество и боль утраты – тоже маска, которую смывает следующий дождь?

ЗАЛОЖНИЦА ПРОШЛОГО

У неё было всё, ну или почти всё: молодость, обеспеченные родители, обладающие редким качеством – умением любить на расстоянии, не вмешиваясь в личную жизнь дочери, пара-тройка однокурсниц для сплетен и прогуливания лекций и, конечно же, молодой человек для прочего приятного времяпрепровождения. Да, он не был суперменом, но вполне устраивал её, поскольку не доставлял хлопот и неплохо отбрасывал её на фоне подруг.

Весеннее солнце улыбалось ей, а он в свою очередь отвечала ему тем же. Жизнь была светла и легка. Но один случайный разговор случайно нарушил идиллию.

Она ехала в троллейбусной толкучке в институт, как вдруг чья-то рука коснулась её плеча. Девушка обернулась.

– Привет, Карин. Не узнаёшь?

Девушка обомлела, но сумела-таки выдать:

– Ой, Сашка... Не ожидала тебя увидеть...

Это было действительно так.

– Ты уже вернулся из армии?

– Да, полтора месяца назад. А ты всё ещё учишься в институте?

– На четвёртом курсе.

Они расстались незадолго до того, как его забрали в армию, при этом такое расставание никак нельзя было назвать дружеским.

– Ну, что, ты ещё не вышла замуж? – спросил он между делом.

Вместо ответа Карина подняла правую руку, демонстрируя некольцованность безымянного пальца.

– Но наверняка уже собираешься? – продолжал допытываться парень.

– Да, в общем-то, нет, – пожала плечами Карина, – А как твои дела?

– Да я же только что вернулся.

Карина тщетно пыталась выдумать хоть какой-нибудь вопрос, чтобы заполнить неловкую паузу, но голова предательски была пуста.

– Ну... моя остановка, – вдруг весело произнёс он. – Позвони как-нибудь, поболтаем.

Саша улыбнулся на прощание и вышел, оставив Карину размышлять над тем, что же всё-таки произошло.

Вечер пятницы, а это и была пятница, Карина традиционно проводила за ужином в уютном кафе со своим бой-френдом. Сегодняшний день не явился исключением. Олег рассказывал о работе, о новостях, которые были не частыми гостями его повседневности. Карина кивала головой и периодически поддакивала, чего оказывалось достаточно для поддержания беседы. Но на самом деле у неё из головы не выходил один вопрос: «Он сказал, чтобы я позвонила, потому, что так всегда говорят или же он действительно хотел этого?»

Следующим же вечером Карина задала этот вопрос подруге, на что та вполне благоразумно ответила:

– А ты позвони и узнаешь.

Тогда голову Карины стала сверлить дилемма: позвонить – не позвонить? Выходные протянулись в долгих раздумьях, занявшие буквально все мыслительные процессы, происходящие у неё в голове. Но если звонить, то для чего? Просто так? Или же для определённых действий, сокрытых от Карины в её же подсознании? В любом случае для такого звонка нужен повод, ни в коем случае не выказывающий интереса к жизни данного субъекта за истекшие два с половиной года.

Может быть, спросить его насчёт неполадок в компьютере? Не достоверно. Можно пригласить его в кафе, вспомнить о былых временах. Ну уж нет, ностальгических позывов не было, к тому же она не знала как он отреагирует на это.

Если бы не тот разговор в троллейбусе, Карина вообще вряд ли бы вспомнила о нём и продолжала бы жить своей тихой, спокойной жизнью, отвоёванной у коварного прошлого. И что же делать теперь?

Как же Карина не любила звонить первой! Но, по крайней мере, это было лучше, чем постоянно проигрывать варианты несостоявшейся беседы у себя в голове.

– Алло. Саша?

– Да, это я. Кто это?

– Это Карина.

– Какая Карина?

Такого поворота событий девушка не ожидала.

– Ну, мы встретились пару дней назад в троллейбусе...

– А, привет. Я тебя не узнал.

– Я тебя тоже не сразу узнала, – вторя ему, солгала Карина. – Слушай, я вот тут недавно разбирала старые пластинки и обнаружила два альбома «Битлз». Видимо, это твои?

– Быть может, – без особого энтузиазма отозвался Саша, – я в последнее время перешёл на более тяжёлую музыку.

Разъяснений не последовало и в телефонной трубке воцарилось молчание, сопровождаемое лёгким потрескиванием.

– А я вот почему-то увлеклась прошлым... в смысле музыкой, – тут же поправила себя Карина.

– Хороший выбор, – раздалось в трубке, и голос снова затих.

Надежды Карины на то, что Саша будет более разговорчивым, не оправдались, и у неё появилось неприятное чувство, что она навязывается.

Так значит, предложение позвонить было всего лишь проявлением вежливости!

Осознав эту горькую истину и почувствовав себя полной идиоткой, Карина всё-таки справилась с сильным желанием бросить трубку и решила закончить разговор.

– Ну, ладно, приятно было пообщаться. Звони, если что, – машинально добавила она.

– Угу. Как будет время, так непременно позвоню.

Можно подумать, что для этого необходимо колоссальное количество времени!

– Ну, пока, – выдавила из себя последнюю фразу Карина.

– Если хочешь, зайди вечером, возьми их другие альбомы.

– Ладно, – не посоветовавшись с разумом, выпалила девушка.

– Тогда до вечера.

Положив трубку, Карина попыталась понять, как же всё это произошло. Дальнейшие действия не желали вырисовываться у неё в голове и девушка решила поступить традиционно: обратиться за советом к подруге.

– Ты же хотела только позвонить, – услышала она заслуженный укор.

– Ну да, – виновато согласилась Карина. – Наташ, что мне делать?

– У тебя два выхода: Ты можешь попытаться забыть этот разговор, но вряд ли тебе это удастся, или же ты попробуешь исправить свою ошибку, и целый вечер будешь строить из себя ярую фанатку «Битлз».

Спустя пару часов с момента разговора с подругой, Карина уже попивала чай под музыку «великолепной четвёрки» в гостях у бывшего приятеля.

После двух стаканов горячего напитка с печеньем в шоколаде язык окончательно размяк, а по желудку растеклось приятное тепло, что

способствовало более раскованной и доверительной беседе. Поскольку о биографии «битлов» Карина теперь знала практически всё, она решила перейти к беседе о жизни рассказчика.

– Ну, так как там было?

– Где, в армии? Да, нормально. Первое время тяжело, конечно, но потом привык, – равнодушно ответил Саша, убирая в коробочку диск.

Девушка понимающе кивнула головой, будто и сама когда-то служила.

– А сейчас какие планы?

– На работу нужно устроиться, квартиру снять. Хочу вернуть потерянные годы, – загадочно улыбнулся парень.

Карина задумалась о чём-то, а потом усмехнулась.

– Что тебя развеселило? – поинтересовался Саша. – Нет, не говори, я угадаю, – он взглянул на девушку с лёгким прищуром. – Ты наверняка не ожидала, что мы после всего, сможем вот так мило разговаривать о разных мелочах, так?

– Так, – ошеломлённо прошептала она.

Он снова угадывал её мысли, как в те забытые времена их общего счастья.

– Мне почему-то вспомнилось, как мы с тобой ходили в поход на три дня, – улыбаясь, произнесла Карина.

– Это когда нас чуть не сожрали заживо комары, ты утопила котелок, а я почти заблудился в лесу? Как же, помню. Ты тогда ещё поклялась, что прикончишь меня сразу после возвращения.

Карина ностальгически улыбнулась и сделала неожиданное признание:

– Это было самое забавное приключение в моей жизни.

Саша наградил её удивлённым взглядом, уловив который Карина пояснила:

– Да, тогда я была готова тебя убить, но с течением времени я поняла, как это на самом деле здорово.

Собеседники замолчали, погружившись в воспоминания, покоящиеся под толстым слоем пыли.

– Знаешь, – неожиданно прервал тишину Саша, – мы с тобой сделали одну непростительную ошибку.

– Какую? – встрепнулась Карина.

– Мы окончательно вычеркнули друг друга из наших жизней. Да, что-то у нас не сложилось, но мы начинали с дружбы, и логично было

бы к ней и возвратиться, ведь нам обоим не достаёт того общения, той теплоты. Мы слишком много знаем друг о друге, чтобы казаться чужими.

В такие минуты мысль о невозвратности прошлого начинает постепенно утрачивать свою неоспоримость, а табличка с угрожающей надписью «Осторожно: прошлое. Не будить!» кажется просто забавной шуткой. В голову непременно закрадывается лукавый вопросик: а что бы было, если б мы не расстались? Да, мрачных моментов оказалось предостаточно, но ведь и хорошее имели место. Бдительность молниеносно сажается в тёмный чулан подсознания. Причины расставания сглаживаются или просто не вспоминаются. На первый план торжествующе выходит мысль о том, что я сейчас гораздо старше, умнее, прошедший урок хорошо усвоен и сдан, и теперь уж я точно не совершу ошибку, вне зависимости от моих дальнейших действий.

Карина не была исключением, ведь столкновение с прошлым способно вынести далеко не каждая, даже самая разумная голова.

– Я снова собираюсь к нему в гости, но это совершенно не то, о чём ты подумала, – не заходя в квартиру, поспешила заверить подругу Карина. – Это совершенно ничего не значит.

– Так значит, ты проехала полгорода только для того, чтобы сообщить мне о пустяке? – иронично поинтересовалась Наташа.

Карина недовольно наморщила лоб, но всё-таки вошла.

– Мы решили быть просто друзьями. Что в этом плохого?

– Боже мой! Святая наивность! – с наигранным удивлением всплеснула руками Наташа и с обычным цинизмом добавила: – Я не люблю разговоров о том, чего нет, именно поэтому я не включаюсь в дискуссии об Атлантиде и не даю советов по поводу дружбы между мужчиной и женщиной.

– Но он так изменился! – взволнованно начала Карина, – Он стал целеустремлённым, открытым, внимательным. Мы можем говорить с ним часами о чём угодно, потому что понимаем друг друга буквально с полуслова. Он даже мысли мои угадывает!

– Потрясающе, – мрачно отозвалась Наташа. – Самое время выступить по кабакам с номером «Читаю мысли на расстоянии».

– Но он действительно избавился от всего того, что нам мешало, – настаивала на своём Карина. – Он снова такой же, как в то время, когда мы начинали дружить.

– Но ведь потом, что-то заставило его продемонстрировать и свои негативные стороны, – вполне резонно отметила Наташа и подытожила: – Солнышко, люди не меняются, они просто удачно маскируются.

Наталины умозаключения сумели-таки набросить тень на радужные размышления Карины о грядущем. Но тени, как известно, исчезают в полдень, а именно во столько Карина условилась встретиться с Сашей, что бы полюбоваться разливом реки на окраине города.

Неделя прошла просто изумительно. Занятия в институте отменили в связи с экстренным ремонтом по случаю проверки из города. Олегу Карина наговорила о скорых экзаменах и необходимости времени для подготовки к ним. Олег же являлся обладателем редких качеств «идеального мужа»: умением безоговорочно доверять, ни во что не вникать и ни о чём не догадываться.

Всё складывалось на редкость благополучно.

Наташа, будучи лицом незаинтересованным, но весьма информированным, слушала подробные отчёты обо всех прогулках с новоприобретённым другом с известной долей скептики. Однако её попытки уличить Сашу в совершенно ином, нежели дружеском, отношении к Карине не увенчались успехом. В голову Наташи даже постучалась мысль о реальном существовании эдакого экзотического вида взаимоотношений между бывшими половинками, но девушка быстро отогнала их, прикрыв поплотнее окошки устоявшихся убеждений.

Но душа человека – потёмки, а жизнь – та ещё загадка.

Очередной незатейливый штришок в запутанные отношения Карины и её теперешнего друга судьба внесла в пятницу вечером, когда двое закадычных друзей баловались пивком после долгой изнуряющей прогулки, а пиво, как известно, несколько приукрашивает жизнь в определённые моменты. На столе приятно бормотало радио, как вдруг зазвучала песня, под которую они впервые поцеловали друг друга. Их сердца бешено заколотились, взгляды встретились, два года разлуки провалились в небытие и их губы сцепились в долгожданном поцелуе страсти, сорвавшейся с цепи, как это обычно бывает в конце любого фильма о любви.

– Как я соскучился! Ты не представляешь, сколько я мечтал об этом! Не было и дня, чтобы я не вспоминал о тебе. Скажи, а ты вспоминала обо мне?

Услышав эти слова, Карина поддалась смятению и панике.

– Нет, нет, мы не должны... – отпрянула она, но всё же позволила ещё раз поцеловать себя, прежде чем сказать окончательное «нет».

Прощание было скорым и скомканным. Карина настойчиво просила не провожать и торопливо ушла. В душе боролись счастливая истома и всепоглощающий страх.

Как узнать, а вдруг это второй шанс на счастье? А вдруг сейчас всё получится?

Услышав о произошедшем, Наташа расплылась в счастливой улыбке.

– Ну и чему ты радуешься?

– Я снова оказалась права, – с гордостью объявила она.

– Да забудь ты хоть на минуту о своих дедуктивных способностях! – выкрикнула Карина. – Что мне теперь делать?!

– Не знаю. Я могу рассказать о том чего делать не рекомендуется, а в остальном – выбор за тобой, – многозначительно закончила Наташа.

– Ну, а вдруг у нас действительно что-то может получиться?

– Могло бы – получилось, – резко ответила подруга. – Кстати, а как же Олег? Не подумай, что мне есть до него хоть какое-нибудь дело, но всё-таки чисто из любопытства...

– Олег... – протянула Карина – Я совершенно забыла о нём. Ой, мы же должны были ужинать сегодня! – внезапно вспомнила она и взглянула на часы. – Нет. Я уже опоздала.

– Подруга, хочешь совет? – доверительно спросила Наташа, – Не засовывай голову в петлю, из которой едва выбралась.

Карина вернулась домой с тяжёлым так и не разрешённым вопросом: «Что же делать?» Реанимированная любовь вновь заставляла неистово колотиться сердце и буквально рвала душу в клочья. Разум настойчиво отвергал необходимость в любых контактах с данным человеком. (А может это был страх?) Что же касается интуиции, на которую обычно полагаются в подобных случаях, то ей вообще никто права голоса не дал, поскольку оставалась вероятность несовпадения его с желаемым результатом. В итоге дискуссии по данному вопросу затянулись до томного субботнего вечера, когда в квартире Наташи зазвонил телефон.

– Да?

– Я собралась сделать ошибку. Срочно отговори меня, – встревожено зазвучал знакомый голос.

– Ну раз собралась – делай.

– Разве это отговоры? Я собралась идти к нему! Наташ, ты просто обязана отговорить меня.

Вслушиваясь в волнение на другом конце провода, Наташа сделала очередной вывод.

– Позволь угадать, ты сейчас стоишь разодетая у зеркала в прихо-

жей, зажимая между плечом и ухом телефонную трубку, и красишь ресницы?

– Пока только наношу тени.

– Скажи честно, у меня есть шанс тебя отговорить?

– Думаю, нет.

– Тогда зачем ты звонишь? А, постой, не говори, я угадаю. В случае неудачи ты хочешь обвинить меня в том, что я тебя не отговорила, так?

– Угу.

– Ну уж на это точно не рассчитывай! – разозлилась Наташа.

– Ой, да ладно тебе, не нервничай. Слушай, как я выгляжу?

Наташа было замолчала но, по достоинству оценив вопрос, буркнула в трубку:

– Замечательно.

– Ну тогда пожелай мне удачи.

– Я не желаю удачи в делах, заранее обречённых на провал.

– Ну, раз ты не смогла меня отговорить, я пошла.

– Стой, а как же его родители? – Пытаясь отыскать хоть какой-нибудь довод в пользу здравого смысла, спросила Наташа.

– Сегодня они должны были уехать на дачу.

– Просто замечательно, – мрачно отозвалась подруга.

– Ой, ну я побежала.

– Беги, беги. И запомни, я не желаю тебе удачи.

Когда Саша открыл дверь, к своему удивлению, он обнаружил там Карину. Едва справляясь с собой, чтобы не раскраснеться, она тихо сказала:

– Я... я так и не смогла забыть тебя.

Саша оказался парализован услышанным. Он просто стоял и обескуражено молчал.

– Я... я так и... так и не смогла... я... Ну поцелуй же меня наконец! – сорвалось с её губ заклинание, мгновенно исцелившее его.

И сказка снова стала былью. Сказка о любви, неподвластной времени, любви, которой не страшны никакие преграды, искренней и вечной любви. Тут и сказке конец, а кто слушал молодец.

Здесь как раз самое время поставить точку, но это было бы бесчестным поступком по отношению к героям этой истории, поскольку ничего ещё не закончилось, а наоборот только началось.

Тем, кто верит в счастливые финалы каждой истории любви, рекомендую остановить чтение на этих строчках, дабы не разочаровываться. Для тех же, кому интересна настоящая жизнь, продолжаю.

Воскресное утро было удивительно солнечным и светлым, ну хотя бы потому, что началось оно для влюблённой пары в час дня. То, что творилось с Кариной, описать с помощью слов являлось практически невыполнимой задачей. Это было чувство абсолютного счастья. Она наслаждалась просторами седьмого неба, поднявшись туда с помощью своих же крыльев.

Саша, судя по всему, так же пребывал в похожем состоянии души и тела, с лёгкой поправкой на особенности своего пола. Он даже сам приготовил завтрак, позволив тем самым Карине подольше понежиться в мягкой постели.

День скоротечно сменил вечер, и Карине пришлось возвращаться домой.

Вся следующая неделя прошла под эгидой «Ты и только ты». Институт был заброшен (впервые за четыре года!), а Олег окончательно позабыт. Лишь одна деталь несколько удручала Карину: Наташа ну никак не могла разделить её счастья. Вместо этого она настойчиво продолжала убеждать Карину в ошибочности её действий и решений.

– А может быть ты мне просто завидуешь? – не выдержав напора, спросила однажды Карина. – Не смотря на свой выдающийся интеллект, ты ведь абсолютно одна.

Наташа обиделась. Да и кто бы не обиделся, тем более что всё сказанное было чистой правдой, а против правды у Наташи редко находились аргументы. Так произошла их первая серьёзная ссора.

К концу недели, переживая историю их любви заново, но только в ускоренном варианте, Карина не выдержала и предложила снять квартиру и пожить вместе. Идея Саше чрезвычайно понравилась и он, по мужски отказавшись от всяческой материальной поддержки с её стороны, рьяно бросился на поиски работы.

Время шло, но работы нигде не было. Точнее была одна, но далеко от дома, на другой не устраивала зарплата, от третьей пришлось отказаться в связи с неудобным графиком, прочие места так же пестрели своими недостатками. Карина предложила устроиться в разных местах, но Саша был яростным противником совмещения.

– Работа должна быть одна и с хорошей зарплатой.

– Ну, раз такую ты ещё не нашёл, попробуй по-другому. Уволиться всегда успеешь, – пыталась убедить его Карина.

Однако Саша оказался патологически настойчив. В моменты прозрения он признавался Карине в том, что она абсолютно права, но он,

в силу каких-то непонятных причин, не может признавать эту правоту. И всё повторялось заново. Его внимательность и заботливость сменили постоянные рассеянность и усталость. Он всё больше молчал, замыкаясь в себе, или же напротив упражнялся в спорах по пустякам, которые выводили Карину из себя. После затиший, следуемых, как правило, за слезами, он обещал всё исправить, клялся в любви, но круг уже был замкнут, ловушка захлопнулась.

– Ты просто ничего не хочешь делать. – Наконец-то произнесла вслух горькую правду Карина. – Помнишь, как ты узнал о конкурсе барабанщиков за один день? Ты тут же собрался и уехал в другой город. А помнишь, как ты покупал компьютер? Ты где-то выискал бешеную сумму денег, чтобы расплатиться по кредиту. Ты добиваешься только того, что тебе нужно. То, что тебя устраивает, ты оставляешь в покое, усердно натягивая маску лени и обвиняя всех и вся в несправедливости к твоей персоне. Ты просто ничего не хочешь менять.

Саша попытался было возразить, но Карина быстро развернулась и ушла. Всё вернулось на круги своя. И самое ужасное, что помимо бесконечных споров и выяснений отношений вернулась и любовь, жалкая, страдальческая. Ящик Пандоры был открыт, и прошлое поглотило настоящее...

В минуты горестных переживаний необходима поддержка друга, и настоящий друг не откажет в ней, не смотря ни на что.

Наташа медленно открыла входную дверь.

– Прости, я была не права.

– Что, счастье оказалось мимолётным? – язвительно спросила она.

Наташе захотелось дать волю чувствам и высказать Карине в лицо всё то, что она шлифовала эти две недели, но, взглянув на подругу, она сдержалась и ограничилась коротким:

– Заходи.

Распивая на кухне крепкий чай, Карина вдруг спросила:

– И почему ты такая умная? Мы ведь с тобой почти ровесницы, да и учились всегда одинаково. Так почему же?

– Потому что это мой крест, – с осязательной горечью сказала Наташа.

Карина помолчала, задумчиво размешивая сахар на дне стакана, а потом спросила:

– А какой крест у меня?

После недолгой паузы Наташа ответила:

– Жизнь, в которой любовь причиняет боль, или же тихая, спокойная жизнь без любви.

– Знаешь, а я ведь действительно его люблю, – осмыслив услышанное, еле слышно произнесла Карина. – На эти два с половиной года я заморозила все опасные для меня чувства. Я заставила себя обо всём забыть и поверить, что счастливая маска – это и есть моё истинное лицо. Так было проще пережить трагедию. Но моя свобода оказалась только показной, поскольку душа оставалась заложницей прошлого. А когда он снова появился в моей жизни... Знаешь, в глубине души я понимала, что у нас ничего не выйдет, но мне очень захотелось почувствовать себя хоть не надолго счастливой, снова почувствовать, что я жива.

Голос Карины задрожал, слёзы бесшумно скользнули по бледным щекам.

– Ну разве жизнь возможна без любви?

На этот раз Наташа ничего не ответила, она лишь обняла подругу и позволила себе поплакать вместе с ней.

У времени нет лицензии на врачевание, но оно все равно пытается помочь, стирая из памяти ненужные детали, состаривая раны, а старые раны, надо признать, хоть и ноют в непогоду, но зато не напоминают о себе постоянно.

Судьба сумела припасти для героев этой истории пару сюрпризов.

Наташа познакомилась с таким же заумным человеком, как и она сама. Им оказался молодой врач психотерапевт. Теперь у неё появились запасные плечи, на которые она, в случае чего, могла переложить свою нелёгкую интеллектуальную ношу.

Саша после длительных мытарств устроился водителем – дальнотойщиком. Вскоре после этого он женился на девушке, с которой, как позже выяснилось, он изучал особенности грунта в песочнице в глубоком детстве. Сейчас у них растут мальчик и девочка. Девочку, кстати говоря, зовут Кариной.

Что же до нашей Карины, то она окончила институт (при этом весьма удачно), поступила в аспирантуру. Но самое главное, что она смогла опровергнуть предположение Наташи. Когда она уже ничего не ждала, в её жизни появилась любовь. Именно тогда она обрела истинное счастье, потому что сумела-таки поставить между жизнью и любовью знак равенства!

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Действующие лица

Дима

Настя

Алиса

Михаил

Парень (Коля)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. Картина 1.

/В квартиру входит Дима. Он крайне раздражен. В руках у него рецензия на роман и письмо. Садится на диван, кладет письмо на журнальный столик/

Дима: Итак, посмотрим. «Не реалистично, не детализировано, не логично...». Мне сдавать через неделю рукопись, а эта редактор перечеркивает половину романа! Черт возьми! Ладно, спокойно, я профессионал, я справлюсь!

/садится за печатную машинку/

Итак, итак, итак...И как? И никак. Так, мне нужно вдохновение, мне срочно нужно вдохновение.

/пытается расслабиться/

Ладно, на вдохновение нет времени, так что будем использовать подручные средства. Что у нас есть под рукой?

/берет недопитую бутылку/

Так-с, уже неплохо. Итак. Что тут у нас? «В эпизоде не хватает конкретности и детализированности». Будет тебе конкретность! Итак... Предсмертная записка покоилась на столе. Душу разрывало в клочья одиночество... М-м, хорошо.

/печатает/

И вот он берет в руки бельевую веревку и затягивает ее на шее... Нет, он сначала привязывает ее к ... ну, скажем.../оглядывается/... к люстре. Встает на табурет, просовывает голову в петлю и тут понимает, что...

/допивает вино/

...вино кончилось. Тогда он берет другую бутылку. Ну, хотя бы эту.../откупоривает, отпивает глоток/. Так, на чем я остановился? Ага, он что-то понимает. А что он понимает? Он понимает... все, он понимает, что жизнь – прескверная штука и что продолжать ее – нет ни смысла, ни желания. И вот он стоит на табурете с бельевой веревкой на шее.

Он подпрыгивает на левой ноге, а правой выбивает табурет... Нет, не пойдет. Я уже вижу ухмылку редактора: «Он что у вас, мастер спорта по кунг-фу?»

Тогда так. Он соскальзывает с табурета и... Соскальзывает... Тоже мне, фигурист.

/отпивает из бутылки/

Так-с, проведем следственный эксперимент. Где тут бельевая веревка?

/ходит, ищет. Находит халат, вытаскивает пояс/

Ну, допустим./примеряет к шее/ Как я давно не носил галстуков!

/крепит пояс на люстре, сам встает на табурет и просовывает голову в петлю/

Жизнь – несправедливая штука. От нее не стоит ждать милости, а если она и дает временное везение, то не стоит забывать, что это всего лишь подачка... А, пропади все пропадом.

/в ту же минуту открывается дверь. На пороге появляется девушка/

Настя: А-а-а!!! Димка, ты что делаешь?

Дима: /вздрагивает и замирает на месте/ Я? Я... белье сушить собираюсь.

Настя: Предварительно надев на себя? Интересный способ.

Дима: Я просто занимался проведением следственного эксперимента.

Настя: /рассматривая пустые бутылки/ Я вижу, чем ты здесь занимался. Как продвигается твой роман?

Дима: Главный герой сходит с ума и решает расквитаться с жизнью за все.

Настя: Мне надо было догадаться. Это уже в который раз?

Дима: В третий, кажется...

Настя: И что ему помешало на этот раз?

Дима: На этот раз ему помешала ты!

/спускается с табуретки/

Настя: Не могу сказать, что очень огорчена.

Дима: Этот чертов роман просто не пишется. Если я не сдам его через неделю, мне придется платить неустойку... Мне просто нужно вдохновение.

Настя: Именно за ним ты полез в петлю?

Дима: Не иронизируй! Кстати, а как ты вошла?

Настя: У меня же есть ключ. Он сохранился с тех пор, когда мы еще были вместе. Припоминаешь? Или пучина творческой депрессии затянула тебя с головой?

Дима: Слушай, а что тебе вообще нужно? Пришла учить меня жизни? Или же принесла пригласительный на свадьбу?

Настя: Халява отменяется.
Дима: Неужели долгожданное шоу будет платным?
Настя: Мы разошлись.
Дима: Поздрав...соболезную.
Настя: При чем тут соболезнования, он ведь не умер!
Дима: А что же кроме смерти смогло избавить его Анастасии Мельниковой? Ты что, пригласила его сходить на экскурсию в ЗАГС?
Настя: Не совсем... Он видел, как я примеряла свадебное платье.
Дима: Bravo! Какой тонкий намек! Сводить любимого в салон для новобрачных и так ненавящево поинтересоваться: «Дорогой, а какая модель свадебного платья мне идет больше?»
Настя: Да никуда я его не водила! Платье уже два года висит в моем шкафу на радость моли.
Дима: И что он сказал?
Настя: В эту минуту он оказался немногословен. Он побледнел, потом помрачнел, что-то пробурчал и ушел... А ведь я его любила...
Дима: Не любила.
Настя: /с наигранной дрожью в голосе/ Я так его любила.
Дима: Не любила.
Настя: Любила!
Дима: /качает головой/
Настя: Ну, не любила. Да какая разница! Он идеально подходил мне по характеру. Только представь: трехкомнатная квартира в центре, машина, работа с зарплатой, какая тебе даже не снилась.
Дима: Да я вообще-то предпочитаю зарплату получать, нежели видеть ее во сне.
Настя: Он был такой замечательный, не мужчина, а золото. И почему он так не хотел свадьбы?
Дима: Именно потому, что он – золото. Вот если бы он был обыкновенным медяком, все было бы куда проще.
Настя: Но мне не нужен обыкновенный медяк! Хотя... Время мое уже уходит. Я скоро состарюсь и умру.
Дима: Только не затопи квартиру слезами.
Настя: Знаешь, жизнь вообще несправедливая штука.
Дима: Не поверишь, но знаю.
Настя: Вот если мужчина не женится, он гордо зовется холостяком, а вот если женщина вовремя не выйдет замуж, то она сразу же становится старой девой. Почему?
Дима: Ты же сама сказала – жизнь – несправедливая штука.
Настя: Но я не хочу остаться старой девой.

Дима: Уверю, ты еще встретишь своего принца на... белом Мерседесе.
Настя: Мне порой кажется, что этот самый принц и на Запорожец пока не скопил. Я не хочу быть старой девой.
Дима: Ну-ну, все еще у тебя уладиться.
Настя: Но мне уже 25.
Дима: А, ну это существенно меняет дело.
/Настя несильно бьет его по плечу/
Дима: За что?
Настя: За чувство юмора.
Дима: Да, за это меня еще не били.
Настя: Я вчера видела Женьку.
Дима: Какого?
Настя: Да не какого, а какую. Ну... Женьку. Ну она еще училась со мной в институте в одной группе.
Дима: ???
Настя: Ну да не важно. Представляешь, она вышла замуж.
Дима: И что здесь удивительного?
Настя: Да она же страшилище! Если бы ты ее увидел, то сразу же умер.
Дима: Видимо, эффектная женщина.
Настя: Нет, тебе действительно нужно на нее посмотреть. Нос – во, глаза – во, ноги – во. Ужас!
Дима: А летальный исход гарантирован?
Настя: К черту твои шутки!
Дима: Если бы они понравились хотя бы ему, это было бы уже неплохо.
Настя: Ну что во мне не так, что?!
Дима: Тебе сразу списком или по порядку?
Настя: Ну, чем я хуже любой другой среднестатистической жены?
Дима: Ну, во-первых, ты готовить не умеешь.
Настя: Не правда! Я просто не люблю это делать. Да и вообще, не хлебом единым сыт человек.
Дима: Конечно, на хлеб еще желательно намазать масла. И вообще, почему ты так сильно хочешь замуж? Что там такого особенного? Брак – это величайшая ошибка, на которую способен мужчина, чтобы удерживать женщину.
Настя: Кто это сказал?
Дима: Я.
Настя: Жаль, что за это тебе тоже не платят.
/Дима обнаруживает письмо, вскрывает, начинает читать/

Настя: Все мои одноклассники и почти все однокурсники уже замужем. Я считала, что первой сыграю свадьбу, а оказалось, что я не попадаю даже в последнюю десятку. А знаешь, что самое ужасное? Это когда к тебе подходит какая-нибудь твоя знакомая и ехидно интересуется: «Ну что, не вышла еще замуж?» Без вашего одобрения не осмеливаюсь! Лучше быть разведенной, чем незамужней, так что мне срочно нужно выйти замуж... Хотя бы за тем, чтобы развестись.

Дима: Ну, так выходи.

Настя: За кого?

Дима: За меня.

Настя: Ты явно перебрал с алкоголем.

Дима: Я абсолютно серьезно. Давай поженимся в пробных целях, скажем, на один летний месяц, а потом благополучно разведемся. Ты почувствуешь себя женой, поймешь, что это не для тебя и успокоишься.

Настя: Тебе что, домработница нужна?

Дима: Пока нет, но если мы поженимся, потребуется. /смеется/ Да не в этом дело. Сама посуди, я лучший кандидат для этого эксперимента. Мы знакомы уже 7 лет, за которые изучили друг друга досконально, так что скелетов в шкафу мы не обнаружим. Кроме того, не придется ничего из себя строить. Ты согласна с этим?

Настя: Ну, допустим.

Дима: Мы будем заранее знать рамки эксперимента, так что никаких «побочных эффектов» не будет. Кроме того, тебе всегда нравилась моя фамилия. Ну так как?

Настя: Но я ведь... Нет, прямо так сразу.

Дима: Сигарету?

/протягивает пачку/

Настя: Спасибо, я бросила.

/машинально берет сигарету и закуривает/

Дима: Что тебя смущает?

Настя: При чем тут смущение? Я смотрю на тебя как на... Ну не как на мужчину, а как...

Дима: ...как на женщину?

Настя: Да нет же! Ну, ты понимаешь...

Дима: Я все понимаю, а вот ты, кажется, нет. Настя, я не предлагаю тебе жить долго и счастливо.

Настя: А как? Коротко и горько? Многообещающе.

Дима: Настя, это будет всего один месяц и все. Тебе что-нибудь налить?

Настя: Да./Дима наливает. Настя выпивает залпом/ Какая гадость. Налей еще. А спать мы будем вместе?

Дима: Как захочешь.

Настя: Значит, не будем. Ясно. А...

Дима: Статистика утверждает, что браки по расчету самые прочные и благополучные.

Настя: Так это будет брак по расчету? А в чем твой расчет?

Дима: Мой расчет в том, чтобы мне больше не пришлось выслушивать твои многочасовые душеизлияния по поводу очередной неудачной охоты на мужа. Кроме того, веселее будет. Соглашайся, а то действительно повешусь на люстре.

Настя: Это шантаж.

Дима: Только для твоего блага.

Настя: И, кроме того, ты не повесишься.

Дима: Почему?

Настя: Она тебя не выдержит. И к тому же завтра уже 1 июня. Мы не успеваем подать заявление.

Дима: Солнце мое, деньги в этом мире делают все. Платье у тебя уже есть, осталось выбрать кольцо.

Настя: О, я присмотрела такое маленькое с тремя бриллиантиками...

Дима: Я сказал кольцо, а не состояние на пальце. Хорошо, я сам этим займусь. Какой у тебя размер?

Настя: Размер чего?

Дима: Безымянного пальца.

Настя: А, 17,5.

Дима: Тогда иди домой за платьем.

Настя: Вот уж нет! Жених не должен видеть невесту до свадьбы!

Дима: От меня до Загса 5 минут ходьбы.

Настя: Боишься, что я опоздаю?

Дима: Боюсь, ты опоздаешь опоздать – ты совсем не придешь. До вечера.

Картина 2. /Поздний вечер. Дима сидит на диване, в руках у него стакан с вином и сигарета. Дверь в комнату Насти открывается, откуда слышится голос Насти/

Настя: Дим, Дим, ты спишь?

Дима: Нет. А ты?

Настя: Конечно, сплю. Я всегда разговариваю во сне.

Дима: Спасибо, что предупредила.

/пауза/

Настя: Дим, ты волнуешься?

Дима: С чего мне волноваться? Я же каждый день женюсь. Это уже практически вошло у меня в привычку.

/пауза/

Настя: Дим, скажи, только честно, мы правильно поступаем?
Дима: Честно?
Настя: Угу.
Дима: Если честно, то я выкурил уже пачку сигарет и почти допил бутылку вина.
Настя: Знаешь, я не хочу выходить замуж за алкоголика.
Дима: Обещаю, больше ни капли без разрешения моей жены.
Настя: Как странно звучит... жены.../пауза/ Знаешь, я так ужасно волнуюсь, так волнуюсь! У меня даже руки трясутся. Я, я ...
Дима: Можно к тебе зайти?
Настя: Нет!
Дима: Почему? Ты не одета?
Настя: Скорее, наоборот. Я тут свадебное платье примерила...
Дима: Надеюсь, ты не собираешься в нем спать?
Настя: Нет, я его сейчас сниму.../пытается расстегнуть молнию/ Ой, кажется, молнию заело.
Дима: Я сейчас помогу.
Настя: Только не заходи. Ты не должен видеть меня в свадебном платье до свадьбы.
Дима: Тогда я могу предложить тебе только моральную поддержку.
Настя: Ну, хорошо, зайди, только закрой глаза.
/заходит, кладет руки на грудь/
Дима: М-м-м, на ощупь очень приятно.
Настя: Молния располагается на спине, а не на груди.
Дима: Ну, ты же сама просила закрыть глаза.
/расстегивает, садится на пол. Настя надевает халат, садится рядом/
Настя: Дим, а ты помнишь, как каждую ночь целую неделю пел под моим балконом песни?
Дима: Как не помнить? Твои соседи сначала бросали деньги, потом цветочные горшки. Помнится, даже милицию вызывали. А закончились мои концерты тем, что какая-то старушка вылила на гитару бидон воды. Впрочем, тебе мои песни все равно не нравились.
Настя: Нравились.
Дима: Но ты же говорила...
Настя: Я много, что говорила... Мне особенно нравилась одна.
/напевает/
Между нами засыпают города,
Страны.
По их венам ходят поезда,
Странно.

Я не жду от тебя письма,
Открытки.
Я ведь сам избежал едва
Попытки...
Припоминаешь?
Дима: С трудом.
Настя: А ведь с тех пор я больше не слышала, как ты поешь.
Дима: Все потому, что я с тех пор больше и не пел.
Настя: Может быть, ты как-нибудь споешь мне ту песню?
Дима: Как-нибудь?.. Может быть... Только не в этой жизни.
Настя: Тогда, может быть, в следующей?
Дима: А что изменится в следующей жизни?
Настя: В следующей жизни не будет воспоминаний и проблем из предыдущей, и каждый сможет начать все сначала.
Дима: Лучше не сначала, а заново.
Настя: И в следующей жизни каждый добьется того, что упустил в этой. Так ты споешь мне в следующей жизни?
Дима: Да. В следующей я тебе обещаю.
/короткая пауза/
Настя: Почему мы расстались?
Дима: Ты сказала, что я тебе не подхожу, что я наглый самовлюбленный тип, не уважающий чужие чувства. А поскольку люди не меняются, нам лучше расстаться. Так мы и поступили.
Настя: Ты переживал?
Дима: Наверное, даже больше, чем следовало бы. Я был уверен, что больше никогда не полюблю, и вдруг появилась... Алиса, такая смесь ангела и беса. Нет, она не появилась, она буквально ворвалась в мою жизнь и все поставила с ног на голову. Это было как вспышка. И также стремительно она и исчезла... Ну да ты же все знаешь, к чему в сотый раз пересказывать эту историю...
Настя: Ты все еще думаешь о ней? Можешь не отвечать, я знаю, что думаешь.
Дима: Вот скажи, почему женщины всегда бросают меня?
Настя: Ну, я же с тобой. И я буду с тобой так долго, пока буду тебе нужна.
Дима: Пока смерть не разлучит нас?
Настя: /смеется/ Спокойной ночи.
Дима: Спокойной ночи.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. Картина 1

/Дверь распахивается. В квартиру радостно влетают Дима и Настя/
Настя: Неужели мы действительно сделали это?

Дима: Представь себе, да.

Настя: О, Господи!

Дима: Это нужно отметить. /Берет бутылку, Настя мягко берет ее из рук Димы/

Настя: Только красным фломастером в календаре. Хотя мы и так вряд ли забудем этот день. Мне просто не терпится рассказать обо всем подружке. Я прямо сейчас пойду и расскажу.

Дима: В таком наряде?

Настя: Да, я, пожалуй, переоденусь. Приготовь мне чашечку кофе, ладно?

Дима: Не успели пожениться, как из меня уже делают домработницу.

/идет на кухню. Голос с кухни/

Дима: Кстати, как мне теперь тебя называть? Кисонька, рыбонька, зайнька?

Настя: А мне тебя как? Козлик, барашек, крокодильчик?

Дима: Намек понят. Вопрос с обсуждения снят.

/Настя идет в комнату/

/звонок в дверь/

Настя: Открой, ладно?

Дима: Это еще кто?

/входит Михаил/

Дима: О, Мишка, привет! Не ждал тебя так рано. Ты же писал, что будешь не раньше, чем через неделю.

Михаил: Я решил сделать тебе сюрприз. Ну так как наше пари?

Дима: Ты проиграл. /Демонстрирует кольцо/

Михаил: Это еще не доказательство. Предъявите жену.

Дима: Обойдемся паспортом, ладно?

/рассматривает паспорт/

Михаил: Нда, как ни прискорбно, я потерпел фиаско. Кстати, а она знает, что весь этот брак – шутка, которая зашла слишком далеко?

Дима: Шутка, которая стоит тебе 1 000 баксов. Видит Бог, если бы мне сейчас не были так нужны деньги...

Михаил: Так ты не ответил.

Дима: Она ничего не знает. Так как насчет денег?

Михаил: Сперва я хочу убедиться, что ваш брак настоящий, а не фикция. Ты же помнишь, по условиям он должен продлиться не менее месяца.

Дима: И каким образом ты хочешь в этом убедиться?

Михаил: У меня здесь дела на два дня, так что поживу у вас. Или ты боишься?

Дима: Боюсь я только того, что ты не захочешь отсюда уезжать и нам придется тебя усыновить.

/Входит Настя/

Настя: Ты знаешь, я...

/замирает, удивленно уставившись на Мишу/

Михаил: Здравствуйте.

Настя: И вы не болейте.

Дима: Знакомся, это мой друг Михаил. А это соответственно моя жена – Настя.

Михаил: Очень приятно.

Дима: Миша поживет здесь пару дней.

Настя: Ты спрашиваешь или утверждаешь?

Дима: А ты что, против?

Настя: А где он будет спать? На диване? Комнат-то всего две. Три на два не делится.

/Дима отводит Настю в сторону/

Дима: Прекрати это.

Настя: Прекратить что? Если это твоя уловка, то она не прошла. Я не собираюсь спать с тобой в одной постели.

Дима: Ну, раз не хочешь спать, можно и пободрствовать, но я ведь обещал к тебе не приставать.

Настя: Ах, ты.../замахивается для пощечины/

Михаил: Я бы не отказался от кофе. /Смотрит на Диму/

Дима: Я бы тоже. /Оба смотрят на Настю/

Настя: И я бы не отказалась, так ведь никто не предлагает.

Михаил: А не угостит ли нас хозяйка дома?

Настя: *Вас* – угощу. В порядке исключения.

/уходит на кухню/

Дима: Волнуется. Сегодня первая брачная ночь.

Михаил: Видимо, я ей не понравился.

Дима: А зачем тебе нравиться моей жене?

/звонок в дверь/

Дима: А это еще кто?

/открывает дверь, на пороге появляется Алиса /

Алиса: Ну, здравствуй. /Обнимает, целует/

/появляется Настя с подносом, который тут же выпадает из рук. Дима оборачивается на звук/

Дима: Познакомься, это Алиса.
Настя: Очень приятно.
Дима: А это... /кивает в сторону Насти/
Настя: А это жена.
Алиса: Чья?
Настя: Его. /Указывает в сторону Димы/
Алиса: Ты женился?
Дима: Ну... в общем, да.
Алиса: Поздравляю. /Убирает руки с плеч Димы/. А у жены есть имя?
Дима: /как бы спохватившись/ Да, конечно же, ее зовут Настя.
Алиса: /критично осматривает Настю/ Настя.
Настя: Ну, во-первых, *ее* не зовут, а во-вторых, *она* может ответить за себя сама.
Алиса: Так мне можно войти?
Настя: А разве вы еще этого не сделали?
Алиса: Кстати, если кофе не вытереть сейчас, пятна с ковра будут крайне сложно вывести.
Настя: Тогда мы купим новый.
Алиса: Дим, так ты разбогател? Поздравляю.
/Алиса проходит в комнату и садится на диван/
Дима: А не выпить ли нам кофе?
Алиса: Кофе был бы кстати, особенно если он в чашках.
/Дима выразительно смотрит на Настю/
Настя: Дорогой, ты не нальешь нам кофе, а то у меня что-то сегодня все из рук валится. А я пока гостей развлеку.
/Настя садится рядом с Алисой. Дима, стиснув зубы, уходит на кухню/
Настя: Итак, чем обязаны столь приятному визиту?
Алиса: Я заехала в ваш город на пару дней и вот решила зайти поздороваться.
Настя: Ну, я полагаю, миссия выполнена. /Встает/. Спасибо, что заглянули.
/торопливо входит Дима/
Дима: А вот и кофе. /Ставит поднос на журнальный столик/
Настя: Дорогой, ты, кажется, забыл налить сюда кипятка, а сухомыт-ка, как утверждает телевидение, крайне вредна для желудка.
/Дима спешно возвращается на кухню/
Алиса: Хочешь, я дам тебе дружеский совет?
Настя: Разве мы уже перешли на ты?
Алиса: /игнорируя высказывание/. Не нужно ревновать так открыто, мужчины этого не любят.

Настя: Ну, вам, конечно, виднее, что любят мужчины, вероятно в виду большой практики общения с ними. /Тут же продолжает, не дав отреагировать на свою колкость/. А у нас отношения свободные, основывающиеся исключительно на доверии и понимании. Тем более, стоит ли ревновать к шлюхам?

Алиса: /вскакивает с места/ Да что ты себе позволяешь?!

Настя: Все!

Алиса: Да как тебе не стыдно!

Настя: Хороший вопрос. Дай-ка подумать. Как же мне не стыдно? А мне никак не стыдно: ни так, ни вот так.

Дима: А вот и кофе.

Настя: /не обращая внимания на Диму/ Мне бы было стыдно бросить человека, который тебя любил, даже не сказав прощай, а спустя год как ни в чем ни бывало заявляться к нему домой!

/пауза/

Алиса: /с нотками равнодушия в голосе/ Значит, на ты мы все-таки перешли? Что ж, спасибо за радушный прием. /Направляется к двери/

Дима: Алиса, подожди, мы еще не выпили кофе, не поговорили.

Алиса: Кофе я выпью и в кафе, а вот если хочешь поговорить – гостиница «Альбатрос», номер 23 – заходи в любое время.

Михаил: Позвольте проводить вас.

Алиса: Буду признательна.

/уходят/

Дима: Что ты за цирк здесь устроила?!

Настя: Я устроила? А как бы ты себя повел, если бы мой экс бойфренд появился сюда и стал бы целовать меня.

Дима: /едко/ Ну ты же сама кричала, что у нас свободные отношения, построенные на доверии и взаимопонимании, не так ли? По-моему ты слишком сильно вжилась в роль жены.

Настя: Может быть, наш брак и фиктивный, но мне совсем не хочется быть обманутой совсем по-настоящему.

Картина 2

/Вечер. Все готовятся ко сну/

Настя: /обращаясь к Мише/ Спокойной ночи.

Михаил: Спасибо. А вот я не буду желать вам спокойной ночи.

Настя: Почему?

Михаил: Если первая брачная ночь проходит спокойно, то на следующий же день нужно идти разводиться.

Настя: Ну, я думаю, неудобств мы вам не доставим.

/Миша уходит в свою комнату, Дима отправляется вслед за Настей/
Настя: А ты куда?
Дима: К себе в кровать.
Настя: Свою кровать ты отдал ему, так что можешь с ним и спать.
/скрывается за дверью/
Дима: Не думаю, что он будет в восторге.
Настя: /подает подушку и плед/ А ты и не думай, ты действуй.
Дима: Настя, я клянусь, что и пальцем до тебя не дотронусь.
Настя: Охотно верю. Пальцем, может быть, и не дотронешься, а вот чем-нибудь еще...
Дима: Но что я Мишке-то скажу, когда он увидит меня утром на диване?
Настя: А ты всегда подаешь ему подробнейший отчет? Скажи ему..., что ночь все-таки оказалась спокойной.
/скрывается за дверью. Дима медленно проходит по комнате/
Дима: Нет, ну все это просто нелепо! Мне приходится в своей квартире спать на диване! Бред какой-то!
/швыряет на диван подушку и одеяло/
Теперь я с уверенностью могу сказать, что жизнь – это самое неприятнейшее событие, которое может случиться с человеком. Но я знаю, чем это можно скрасить.
/откупоривает бутылку, распивает, сидя на диване/
Чтобы стало веселей – ты смелей стакан налей.
/появляется Михаил/
Михаил: А почему ты здесь? /усмехается/ Не спится?
Дима: Что-то вроде того.
/Михаил садится рядом/
Михаил: /доверительным тоном/ Хочешь совет? Как друг другу?
Дима: Ну?
Михаил: Не переживай. Главное, не волнуйся. Как говорил Карлсон: «Спокойствие, только спокойствие». Я знаю, в чем твоя проблема.
Дима: Неужели?
Михаил: Это случается в жизни каждого мужчины. У меня, конечно, не случилось, но никто от этого не застрахован. И не нужно искать утешения в бутылке. Главное помнить одно золотое правило: один раз не получилось – это еще не беда. Вот если и на второй раз не получилось или даже на третий... У тебя это, кстати, какой?
Дима: Да ты что!
Михаил: Главное, сразу понять, что у тебя проблема.
Дима: Проблема? Да у меня их целая куча!

Михаил: Вот мы и докопались до причины твоего недуга.
Дима: Какого, к черту, недуга? Да я здоров, как бык.
Михаил: Именно поэтому ты проводишь первую брачную ночь на диване – бережешь здоровье?
Дима: Я просто... думал.
Михаил: Насчет Алисы? Жена заревновала и выгнала? А, теперь понятно. Как-то не заладилась у тебя семейная жизнь. Но не переживай. Если жена капризничает, найдется кто-нибудь, кто утешит.
Дима: Ты на что намекаешь?
Михаил: Да я не намекаю, я открытым текстом говорю. Номер 23, кажется?
Дима: Нет, я так не могу. Это как-то неправильно.
Михаил: Хочешь, я тебе скажу, что действительно неправильно. Неправильно проводить первую брачную ночь на диване в гостиной.
Дима: А что я потом скажу Насте?
Михаил: А ты ей потом захочешь что-то рассказать?
Дима: Если она узнает, то...
Михаил: Не узнает, я об этом позабочусь. Ну же, смелее, будь мужчиной. Или здесь все-таки удобнее?
Дима: Ну, тогда я побежал. Спасибо, друг.
/Дима уходит. Михаил снимает телефонную трубку/
Михаил: Гостиница «Альбатрос»? Соедините с номером 23... Алиса, это я. Он будет минут через 30. Позаботься, пожалуйста, чтобы он остался у тебя до утра ...
/Открывается дверь комнаты Насти/
Настя: Дима, ты спишь? Дим...
/Миша быстро ложится на диван и накрывается пледом/
Ну, я же знаю, что ты не спишь.
/Подходит к дивану, Миша накрывается с головой/
Ладно, признаю, ты в праве на меня дуться. Я вела себя немного некрасиво.
/Присаживается на диван, Миша поворачивается, Настя резко встает/
Ну, хорошо, я вела себя просто отвратительно. Я сама не знаю, что на меня нашло, когда я увидела эту твою Алису, висящую у тебя на шее... Во мне как будто бомба взорвалась...
/вздыхает. Пауза. Продолжает, оправдываясь/
Просто все случилось так неожиданно, я даже подготовиться не успела. Только вчера я рассталась со своим парнем и вот сегодня уже вышла замуж... за тебя...
/пауза, снова садится/

Я просто хочу, чтобы ты знал, что я приняла твое предложение совсем не спонтанно. Конечно, я не могу сказать, что оно было своевременным и к месту, но... для меня очень важно, что его сделал именно ты, потому что...

/резко встает, отходит в сторону/.

Господи, я не верю, что все это тебе говорю... ну да ладно... Я хочу тебе кое-что сказать. Не смотря на то, что прошло уже так много времени, мы изменились (и, признаться, не в лучшую сторону), я все равно помню те песни под моим балконом и те слова, которые ты шептал мне на ушко... Я помню все...

/ласково смотрит на него/

Знаешь, если честно, я думала, что как только я усну, ты сразу же помчишься к своей Алисе, а ты остался здесь, ... со мной... Мне кажется, что я все еще люблю тебя...

Спокойной тебе ночи.

/уходит в свою комнату/

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. Картина 1

/Утро. Настя убирается в комнате. Появляется Михаил/

Настя: Доброе утро.

Михаил: Доброе... Я вижу, вы сегодня в отличном настроении. Развод не предвидится?

Настя: Надеюсь, что нет. Кстати, вы случайно не видели Диму?

Михаил: А... он, наверное, вышел за сигаретами.

/Настя поднимает со стола целую пачку сигарет/

Настя: /растерянно/ Да, наверное...

Михаил: Неплохо бы принять душ. Это там?

Настя: Да.

/Михаил уходит. Настя опускается на диван/

Настя: Что же я наделала! Зачем, зачем я все это наговорила ему вчера? Теперь он будет избегать меня, сторониться, держаться скованно. Что же я наделала! Как же теперь быть? Надеюсь, он вернется к завтраку и мы поговорим...

/идет на кухню. В комнату крадучись входит Дима./

Михаил: А горячей воды что, нет?

Настя: /с кухни/ Ну так ведь лето.

Михаил: Ты уже вернулся? Как дела?

Дима: Она о чем-нибудь догадывается?

/Михаил не успевает ответить, как появляется Настя/

Настя: Ой, Дима, я не слышала, как ты вошел. Где ты был?

Дима: За хлебом ходил.

Настя: А Миша сказал, что за сигаретами.

/Дима переглядывается с Михаилом/

Дима: Ну да, и за сигаретами тоже.

Настя: Ну и где?

Дима: Что?

Настя: Хлеб и сигареты.

Дима: Да ты понимаешь, тут такое дело... Я ... бумажник дома оставил, представляешь?

Настя: Да...

/все натянуто улыбаются/

Настя: А я тут завтрак приготовила.

Дима: Сама?

Настя: Представь себе. На вид вполне съедобно.

Дима: Надеюсь, что не только на вид.

Настя: Проходите на кухню.

/Дима и Михаил идут на кухню/

Настя: Ему тоже неловко. Он не знает, как вести себя после вчерашнего разговора. Ой, ну как я могла все испортить?!

/появляется Дима/

Дима: Настя, ты идешь завтракать?

Настя: Что, первыми продегустировать не осмелились?

Дима: Так ты идешь?

Настя: Дим, подойди на минутку, мне нужно с тобой кое о чем поговорить.

/Дима подходит/

Дима: Что случилось?

Настя: И ты еще спрашиваешь? Дим, я все понимаю.

Дима: Понимаешь?

Настя: Да. И тебе не стоит после вчерашнего от меня прятаться или делать вид, что ничего не произошло.

/Дима виновато опускает голову/

Настя: Я просто хочу тебе сказать, что, не смотря ни на что, я останусь твоим другом.

Дима: /обнимает/ Спасибо тебе. У меня прямо от сердца отлегло. А я думал, что ты меня не поймешь.

Настя: Ну я же не круглая дура.

Дима: Ты у меня умница! А я не знал, как тебе это рассказать. Мы не виделись целый год и вдруг она здесь, рядом. Прямо как гром среди ясного неба.

/Настя отпрянула/

Настя: Что?
Дима: Я не собирался к ней идти, честно, но после нашей ссоры, я...
Настя: Ты ходил к ней вчера?
Дима: Ну да, а разве мы не об этом сейчас...
Настя: Дура! Какая же я дура! Меня надо в музей за деньги выставлять!
Дима: Что случилось?
Настя: Не трогай меня! Так кому же я вчера все это говорила?
/появляется Михаил с тарелкой/
Михаил: Должен отметить, все очень вкусно!
Настя: /кричит Диме/ Я ненавижу тебя!
/выбегает за дверь/
Дима: Что произошло вчера?
Михаил: Она немного разоткровенничалась после того, как ты ушел.
Дима: Почему с тобой?
Михаил: Я лежал на диване, и она подумала, что я – это ты.
Дима: И что она сказала?
Михаил: Она сказала, что, как ей кажется, все еще любит тебя.
/Дима выбегает вслед за Настей/
Михаил: /на распев/ Любовь, любовь, как ты бываешь порой жестока.
/прогуливается по комнате, доедая завтрак. Звонок в дверь./
Михаил: Кого это еще нелегкая принесла?
/открывает дверь. На пороге появляется Алиса./
Михаил: Вы разминулись буквально на несколько секунд.
Алиса: Не паясничай. Где он?
Михаил: У них утренняя пробежка. Кстати, это бы и тебе не помешало – выглядишь просто ужасно.
Алиса: И не только выгляжу. Впрочем, спасибо, что напомнил.
/проходит и садится на диван/
Михаил: Как все прошло?
Алиса: Дай мне прикурить. /Михаил проходит мимо/ Что ж, я и сама справлюсь. /Закуривает./ Я всю ночь напролет слушала его бредни по поводу того, как ему без меня было плохо. Когда же дело сдвинулось с мертвой точки, он сказал, что не может.
Михаил: Я так и знал, что у него проблемы.
Алиса: Он сказал, что не может так поступить с Настей, представляешь? Оказывается, не перевелись еще честные мужчины. Именно поэтому ты выбрал его?
Михаил: Это тебя не касается. Неужели затащить мужика в постель для тебя стало такой большой проблемой? Стареешь, теряешь былую форму.

Алиса: А, может быть, я наоборот что-то приобретаю.
Михаил: Что, например?
Алиса: Совесть, например.
Михаил: Совесть – это отличная штука, пока не начинает мешать тебе жить. Кроме того, сентиментализм в твоей профессии не востребован, об этом не стоит забывать.
Алиса: А ты еще и хам ко всему прочему.
Михаил: Стараемся отвечать стандартам времени.
Алиса: Так, когда же я получу обещанные деньги?
Михаил: А ты их не получишь. Ты не справишься с работой.
Алиса: Что это значит?
Михаил: Я разве плохо объяснил? Я в тебе больше не нуждаюсь. Всего хорошего.
Алиса: То есть ты вот так хочешь от меня отделаться? Не выйдет.
Михаил: Их брак развалится и без твоей помощи, которую я, кстати, и не видел. Так что, как я уже говорил, всего хорошего.
Алиса: Отдай мне обещанные деньги, и я уйду.
Михаил: За что я тебе должен платить? За интеллектуальные беседы по ночам?
Алиса: Ты играешь с огнем. Я ведь могу своими знаниями с кем-нибудь поделиться, например, с Димой. Что ты об этом скажешь?
/Михаил хватается Алису за горло/
Михаил: Я скажу вот что: если ты хоть пикнешь без моего ведома, то с этого мгновения измеряй свою жизнь минутами. Поняла?
Алиса: Поняла...
/отпускает/
Михаил: А теперь быстро ушла, пока он не вернулся. Тебя никто не должен здесь видеть.
/Алиса идет к двери. Перед дверью останавливается и бросает долгий взгляд на Михаила/
Михаил: /холодно и надменно/ Ты что-то хочешь сказать?
/Алиса медленно качает головой/
Михаил: Тогда убирайся отсюда.
/Садится на диван, видит окурки с остатками помады, относит их на кухню. Через несколько секунд вбегает Дима/
Михаил: Ну что, ты догнал ее?
Дима: Нет. Она поймала машину и уехала. Я так виноват перед ней! Я был уверен, что мы говорили об одном и том же, я думал, что она знает...
Михаил: Откуда ей было знать? Я же обещал ничего не говорить.

Дима: Она даже завтрак приготовила, хотя терпеть не может это делать.
Михаил: Завтрак, кстати, совсем не душен.
Дима: Скажи, что она вчера говорила?
Михаил: Да не помню уже.
Дима: Ты сказал, что она говорила о том, что, возможно, любит меня?
Михаил: Ну да, было что-то такое.
Дима: А что конкретно она сказала?
Михаил: Я разве похож на диктофон?
Дима: Ну, вспомни, постарайся.
Михаил: Стараюсь... Не вспомнил.
Дима: Так она говорила, что любит? Говорила?
Михаил: Да, да, говорила. Было что-то такое.
Дима: Какой же я дурак! Идиот!
Михаил: Да, что есть – того не отнять. Поверь мне, все еще уладится.
Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

Картина 2

/Вечер. Дима и Михаил ждут Настю/
Дима: Ну где же она? Дома ее нет, к подругам не заходила.
Михаил: Скоро появиться, вот увидишь.
/звонок в дверь/
Михаил: Ну, что я говорил?
/Дима открывает дверь. На пороге появляется Настя вместе с незнакомым парнем. Через плечо у него висит гитара. Оба очень пьяны./
Настя: О, какие люди! Всем привет.
Дима: Где ты была?
Настя: /подзывает его пальцем/ Где была – там уже нет.
Дима: Да ты пьяна!
Настя: Я пьяна?.. Ну да, я пьяна. А как ты догадался?
Дима: Интуиция.
Настя: Хорошая штука. Кстати, познакомьтесь, это.../пытается вспомнить/
Парень: ...Коля.
Настя: Точно, Коля. Смышленный парнишка /трепет за волосы/ И на гитаре поет. Ну-ка, сбаци нам что-нибудь такое...
Дима: Может быть, не надо?
Настя: Коля, давай!
/Парень начинает брэнчать и голосить. Настя хлопает в ладоши./
Настя: Молодец! Талантище! Вот за что я его уважаю, так это за то, что не боится играть, не боится показаться дураком,.. /смотрит на парня/ если понадобится.

Дима: Где ты его взяла?
Настя: Где взяла, там уже нет.
Дима: Спасибо, Коля, но на этом, думаю, надо закончить.
Настя: А он еще и танцует. Коля, покажи.
/парень кладет гитару на диван/
Дима: На сегодня достаточно. Надо же что-то оставить и на потом.
Спасибо, что зашел.
Парень: Но я...
/выпроваживает парня за дверь/
Дима: Между прочим, я волновался за тебя.
Настя: Ты и волновался? Не верю.
Михаил: Настя, приготовить вам кофе или чайку?
Настя: А-а, заговорщик. Понравился тебе мой вчерашний монолог?
Ты, конечно же, уже обо всем доложил. /поворачивается к Диме/ Так знай, все это неправда. Я ничего не вспоминаю из того, что было между нами, и ни о чем не жалею. И знаешь, что еще?
Дима: Что?
Настя: Я ненавижу твои песни. И тебя тоже ненавижу.
Дима: Это все?
Настя: А я что-то забыла?
Дима: Я просто поинтересовался. Что ж, я заслужил все это. Я виноват. Сознаюсь.
Настя: Сознаться после того, как вина доказана, не имеет смысла.
Дима: А как насчет чистосердечного признания?
Настя: Поздно. /смотрит на часы/ Кстати, уже действительно поздно. Я пошла спать.
Дима: Ну кто из нас совершенен?
Настя: Из нас двоих? Тебе сказать или сам догадаешься?
Дима: Настя, ну прости меня, прости.
Настя: Апелляция отклонена. Приговор – пожизненное презрение.
Дима: Ну что мне сделать, чтобы ты меня простила? Хочешь, я скажу, что я ничтожество, эгоист, что я самый отвратительный человек на земле?
Настя: Хочу.
Дима: Я ничтожество.
Настя: Не убедительно.
Дима: /громче/ Я ничтожество.
Настя: Не верю.
Дима: Я ничтожество, эгоист, идиот.
Настя: Теперь верю. Верю и знаю. А сейчас я пойду спать. Не провожайте. /Входит в свою комнату/

Михаил: Семейная жизнь – это всегда тяжело.

Дима: И много ты знаешь о семейной жизни?

Михаил: За эти два дня мои скудные познания в этой области размножились настолько, что я уверился в правильности своего выбора холостяцкого образа жизни. А ты только представь, что было бы, узнай Настя об истинной причине скоротечности вашего бракосочетания.

Дима: Она не должна узнать. Да и откуда? Если только...

Михаил: Я нем, как рыба. Кстати, ты сохранил мое письмо?

Дима: Письмо. Совершенно вылетело из головы. Вот оно.

Михаил: Вот и славно. Я позабочусь о нем. /Протягивает руку за письмом, но Дима не отдает/ Ты что, не доверяешь мне? /Дима разжимает пальцы/. Да не переживай ты так. Вот увидишь, завтра она проснется совершенно другим человеком, посмотрит на все трезвыми глазами и обязательно тебя простит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. Картина 1

/День. Настя, пошатываясь, выходит из комнаты и заваливается на диван/

Настя: О, моя голова.

Дима: Добрый день. Тебе принести таблетку аспирина?

Настя: Я не разговариваю с предателями.

Дима: Ну, как хочешь. Кстати, занятный у тебя приятель, этот Коля.

Настя: Кто?

Дима: Ну, тот поэт-песенник. Он нам еще гитару на память оставил.

Настя: Гитару? Он что, пел?

Дима: К сожалению, не только.

Настя: А откуда я его знаю?

Дима: Цитата: «Где взяла – там уже нет».

Настя: М-м-м... моя голова...

Дима: Как я могу облегчить твои страдания?

Настя: Поменяйся со мной головами, пока из моей не выветрится все похмелье.

Дима: У меня другое предложение. Давай я принесу аспирин.

Настя: Неси, что хочешь.

Дима: И ты примешь его из рук врага?

Настя: Я приму его из рук хоть самого Дьявола.

Дима: Так значит, я прощен?

Настя: Еще чего! Конечно же, нет.

Дима: Ну, тогда я буду безмолвно и бездейственно страдать о своей участи изгнанника за чашкой кофе.

Настя: Дима...

Дима: Ну, так я прощен?

Настя: Да, да, будь все не ладно!

Дима: Я мигом!

/Дима спешит на кухню/.

Михаил: Добрый день.

Настя: Почему все в этом доме решили, что он добрый?

/входит Дима/

Дима: Аспирин кончился.

Настя: Тогда прощение отменяется.

Михаил: Пытаешься выкупить прощение?

Дима: Ну, раз есть такая замечательная возможность. /Насте/ Я сейчас сбегаю в аптеку. Никуда не уходи.

Настя: ... Постараюсь.

/Дима уходит/

Михаил: Я вижу, вы помирились.

Настя: Порой головная боль сближает людей. Кроме того, кто не совершает ошибок?

Михаил: Я рад, что у вас все в порядке.

Настя: Все, кроме моей головы. Там сейчас такой бардак. /Настя замечает сумку с вещами/ А вы что, нас уже покидаете?

Михаил: Увы. Кстати, передавайте Диме мои поздравления, он выиграл пари. Деньги я перечислю ему на банковский счет.

Настя: Какие деньги?

Михаил: А он что, решил с вами не делиться? Вот так дела, не ожидал от него такого...

Настя: Слушайте, я ничего не понимаю. Дождитесь Димы и передайте ему все сами.

Михаил: Я бы с удовольствием, но у меня поезд через полчаса. Кроме того, здесь все очень просто. Мы спорили с Димой на 1 000 долларов, и он благодаря вам выиграл.

Настя: А при чем тут я?

Михаил: Странно, что он вам ничего не сказал... Ну, спросите его, как он вернется. /Направляется к двери/ До свидания, всего хорошего.

Настя: Подождите, я хочу знать, в чем заключался спор, и как я могла ему выиграть.

Михаил: Ну, раз вы настаиваете... Думаю, ничего страшного не случится, если вы будете в курсе дела. Условия пари были таковы: Дима должен жениться не позднее 1 июня этого года, и прожить в браке не менее месяца. /Настя садится на диван/

Сначала я был уверен, что эта свадьба – чистейший фарс, и что ваша пара не протянет и недели, но я ошибался, вы действительно любите друг друга, так что ждать еще целый месяц не имеет смысла. Я проиграл.

Настя: Так все это ради денег?

Михаил: Ну, мне трудно судить, какими ваши отношения были до этого. Вот если бы свадьба была спешной, внезапной, я бы мог такое предположить... Но у вашей пары есть главное – любовь, ведь далеко не каждая женщина сможет простить мужа, который побежал в первую брачную ночь к своей бывшей любовнице. Но вы... Вы поступили очень благородно. Я восхищаюсь вами.

/Настя на несколько секунд закрывает лицо ладонями, потом медленно встает с дивана и идет к входной двери. Дверь распахивается, появляется Дима/

Дима: Я же просил куда-то не уходить. Я принес аспирин, так что тебе все-таки придется меня простить.

Настя: Так это все ради денег?

Дима: Ты о чем?

Настя: Так все эти разговоры о том, как ты хочешь мне помочь, – ложь? Тебе просто нужны были деньги, чтобы выиграть «джентльменское» пари?

Дима: Я все тебе объясню, я...

Настя: Как ты мог меня предать? Предать дважды за такой короткий срок? Перечеркнуть разом 7 лет и обменять меня на зеленую прямоугольную бумажку?

Дима: Настя, ты понимаешь, я...

Настя: Я только хочу, чтобы ты сказал мне это в лицо. Все то, что он мне рассказал действительно правда?

Дима: Да.

/Бьет по щеке, Настя поворачивается к Михаилу/

Настя:/дрожащим голосом, еле сдерживаясь/ Поздравляю... вы выиграли.

/Настя уходит/

Дима: Настя, подожди... /смотрит на Михаила/ Зачем ты ей рассказал?

Михаил: Это вышло совершенно случайно. Она нашла то письмо и...

Дима: А как она его нашла, я ведь вчера отдал письмо тебе?

Михаил: Дело в том, что я сегодня был на вокзале и, поскольку у меня не было с собой листка бумаги, записал расписание поездов на конверте./протягивает конверт/ Я хотел дома его еще раз просмотреть и потом избавиться, но по оплошности оставил его на столе... И Настя взяла и прочитала его...

Дима: Она никогда не читала чужих писем.

Михаил: Не ставь ей это в укор, она просто волновалась за тебя.

Дима: Я сейчас же побегу к ней!

Михаил: И что ты ей скажешь? Что все это неправда? Или что ты раскаиваешься и просишь прощения?

Дима: Я не знаю, что ей скажу, но я должен удержать ее. /Распахивает дверь/

Михаил: Единственный человек, которому ты что-то должен – это я.

/Дима останавливается, поворачивается к Михаилу/

Дима: Должен? Так ведь это ты виноват во всем?

Михаил: Я виноват? Разве это не ты промолчал насчет пари? Разве не ты в первую брачную ночь побежал к бывшей подружке?

Дима: Но ведь это ты сказал, чтобы я пошел...

Михаил: И ты так легко согласился?

Дима: Но ведь ничего не было!

Михаил: Какое это имеет теперь значение? Если бы ты действительно любил Настю, то остался бы с ней. Так кто же виноват? Извечный вопрос.

Признайся, ты с самого начала хотел меня провести, выдав фикцию за настоящий брак. Так в чем же моя вина? В том, что я не поверил?

/Дима сползает по стене, закрыв лицо руками/

Дима: Я только сейчас все понял... Я понял все... Я не смогу без нее, я...

Михаил: Все это, безусловно, очень трогательно, но мне пора. Вот счет, на который ты завтра переведешь деньги. Я надеюсь на твою честность.

/Звонок в дверь. Дима резко вскакивает и открывает/

Дима: Настя, я... /на пороге стоит Алиса/

Алиса: Это не Настя, это всего лишь я. Можно мне войти?

Дима: Извини, я не смог тебе позвонить... Просто...

Алиса: Да ты не волнуйся, я на самом деле не к тебе.

Дима: А к кому же?

Алиса: Здравствуй, Миша, ты уже, верно, забыл обо мне?

Дима: Вы что, знакомы?

Михаил: Да, мы познакомились вчера, когда я провожал Алису.

Алиса: У тебя короткая память. Я считала, что мы познакомились с тобой пару лет назад... не стоит упоминать при каких обстоятельствах.

Дима: Это правда?

Михаил: Она шутит. Алиса, можно тебя на минуточку?

Алиса: Так я тебе все-таки понадобилась? Увы, я сейчас занята. Дима, не показалось ли тебе странным, что я появилась в твоей жизни именно сейчас, когда...

Михаил: Ты получишь свои деньги.

Дима: Деньги?

Михаил: Да, Алиса выполняла для меня одну работку, ничего особенного.

Алиса: Этой работкой был ты, милый.

Михаил: Я же сказал, что заплачу.

Алиса: Может быть, я и продажна. Да что скрывать, так оно и есть, вот только моя душа и совесть в комплект поставки не входят. Дима, это он спланировал ваш развод, чтобы получить выигрыш. А я должна была помочь ему, разумеется, за соответствующую плату.

Дима: Так это все ты... /кидается с кулаками. Михаил выхватывает нож/

Михаил: Не подходи! /пытится к выходу/

Дима: Ублюдок!

Михаил: Стой, где стоишь! /к Алисе/ Ты мне еще за все заплатишь.

Алиса: По-моему, мы квиты.

/Михаил хватает сумку с вещами и выбегает прочь, Дима кидается в след, но Алиса останавливает его/

Алиса: Пусть идет. Оставь его.

Дима: Как ты на это согласилась? Я доверял тебе.

Алиса: За доверие нынче не платят.

Дима: Как ты могла предать чувства другого человека ради наживы?

Алиса: А чем ты лучше меня?

Дима: Ничем. Скажи, а ты хоть когда-нибудь меня любила или это тоже было игрой?

Алиса: Любовь – это слишком большая роскошь для людей моей профессии. Но зато я знаю женщину, которая тебя действительно искренне любит и которую любишь ты.

Дима: Она тебе что-нибудь об этом говорила?

Алиса: Глупый, об этом не нужно говорить, это нужно видеть.

Дима: Скажи, она сможет простить меня?

Алиса: А ты бы простил?.. Знаешь, я недавно читала одну книжку. Из нее мне запомнились такие строки: «Любовь – прекрасное светлое чувство, и лишь мы, существа разумные, делаем из этого трагедию». /пауза/ Ну, мне пора. Удачи.

/уходит. Дима сидит на полу, закрыв ладонями лицо/

Картина 2

/Вечер. Дима сидит в той же позе. Встает/

Дима: Мне нужно выпить. Мне срочно нужно что-нибудь выпить.

/Ищет бутылку, находит, пытается отпить, но бутылка оказывается пустой/

Вот черт!/ отшвыривает в сторону/ Нет, это не жизнь, это какая-то усмешка! /смотрит вверх/ Что, смешно? Блестящий юмор! Я бы до такого даже не додумался. Да куда мне, с моим-то скудным умишком. Только мне почему-то не смешно. Видно с моим чувством юмора какие-то проблемы или же шутка неудачна. А, я понял, мне и не должно быть смешно, я ведь центральная фигура розыгрыша, шут, на которого Ангелы-хранители делают ставки – потянет – не потянет. Не потянул? Эх, какая жалость. Этакая Небесная рулетка. А разве азартные игры разрешены там, у вас, на небесах?

Я только не понимаю, за что, а? Ну за что? Мне просто интересно. Я обещаю, не буду спорить, укорять, обсуждать, мне просто интересно, почему именно у меня жизнь идет кувыркком, а?

/пауза/

Молчание? Замечательный ответ! Думай, что хочешь, а хочешь – совсем не думай, потому что за тебя уже все решено и от твоих мыслей уже ничего не изменится, разве что голова разболится.

Все решено за меня. Жизнь распланирована с родильного стола и до гробовой доски. Никто даже не удосужился спросить, а хочу ли я вообще появляться на этот свет? За меня об этом подумали родители. Или, что вероятнее всего, об этом-то они меньше всего задумывались.

/вздыхает, садится на диван/

Нет, увольте, с этим пора заканчивать. Все, посмеялись, пора и честь знать. Так, хватит. /идет в комнату, возвращается с поясом от халата/

Все, хватит, достаточно. Одно обстоятельство радует: уйти я могу самостоятельно!

/надевает петлю/

Ну, прощайте, господа хорошие. Жди меня, Господь, на личный разговор, так сказать, с глазу на глаз. Ну,.../закрывает глаза, сосредотачивается. Открывает/

А ведь страшно. Хм, смешно даже. Всю жизнь такой смелый и решительный и вдруг... Нет, я смогу. Хотя бы один шаг в своей ничемной жизни я хочу сделать самостоятельно, пусть даже если он приведет в никуда. Пешка становится королем. Да здравствует король!

/ Поднимает ногу, звонок в дверь. Дима падает со стула вместе с люстрой на шее/

Значит, личной аудиенции все-таки не будет? Даже это...

/дверь открывается, входит Настя/

Настя:/взволнованно/ Что случилось? Я слышала какой-то грохот.

Дима: Люстра упала.

Настя: А что у тебя на шее?

Дима: Я примерял новый галстук. Мне идет?
Настя: Скорее, это похоже на удавку.
Дима: Что ж, галстуки завязывать я тоже так и не научился.
/Настя проходит к своей комнате/
Настя: Я пришла забрать вещи.
Дима: Настя, я знаю, что я болван, что я...
Настя: Я подала заявление на развод. Зайди, как сможешь, в ЗАГС,
поставь свою подпись.
Дима: Хорошо.
/Настя уходит в комнату, возвращается с чемоданом/
Дима: Я могу тебе позвонить?
Настя: Можешь, но я могу не ответить...
Дима: Настя, я...
Настя: Не надо, все уже давно сказано.
Дима: А помнишь, ты говорила, что останешься со мной до тех пор,
пока будешь мне нужна?
Настя: Я много что говорила... /подходит к двери/
Дима: Ты мне очень нужна. /Настя не отвечает, идет к входной двери/
Мы еще увидимся?
Настя: Может быть.
Дима: Может быть?/с надеждой/ Когда?
Настя: Может быть, в следующей жизни.
Дима: ... когда мы будем свободны от воспоминаний из предыдущей?
/поворачивается спиной и открывает дверь. Дима берет в руки гитару и начинает петь/
Дима:
Между нами засыпают города,
Страны.
По их венам ходят поезда –
Странно.

Я не жду от тебя письма,
Открытки.
Я ведь сам избежал едва
Попытки.

/Настя поворачивается/
Дима:
Дремлют красные листья осин
В лужах.
Понимаю, тебе я совсем
Не нужен.

Но признания эти теперь
Не серьезны,
Ведь стучаться в забитую дверь
Поздно.

А-а-а...

Ты и слово прощанья сказать
Не успела,
Как испачкало время вдруг прядь
Белым.

И не жду от тебя я теперь ни письма,
Ни открытки,
Будет осень, а следом зима
Как пытка.

Все ушло, но ничто не забыто...

Настя: Разве следующая жизнь уже началась?

Дима: Да, она началась только что.

Настя: А как же Алиса?

Дима: Она осталась в прошлой жизни, а эту я хочу провести только
с тобой.

/обнимают друг друга/.

КОНЕЦ

Содержание

Улыбка пасмурного города	3
Сказочки из мусорной корзины	29
<i>Сказка о ботинке</i>	30
<i>Сказка о лампочке</i>	31
<i>Сказка о сигарах и папиросах</i>	32
<i>Сказка о форточке</i>	32
<i>Сказка о вине и шампанском.</i>	33
<i>Сказка о свече</i>	34
Влюбленные.	37
Половинки	39
Дождь	41
Заложница прошлого	45
Брак по расчету	56

Татьяна ПОЛУКАРОВА

УЛЫБКА ПАСМУРНОГО ГОРОДА

Под редакцией ...

Технический редактор Ю.И. Аникеев

Компьютерная верстка С.В. Кузнецов

Корректор ...

Сдано в набор 11.01.2007

Подписано к печати 21.01.2007

Формат 70х90 1/16. Бумага офсетная

Гарнитура PeterburgC

Усл. печ. л. 2,75. Тираж 100

Издательство «Старт»

г. Рязань, ул. проф. Никулина, д. 6

Отпечатано в типографии «Растр»

г. Рязань, ул. Чкалова, д. 68